

**ДМИТРИЙ
АГАЛАКОВ**

**СТРОИТЕЛЬСТВО
СТРОИТЕЛЬСТВО**

— Вам, уважаемый Дмитрий Савинов, пора на выход. — Принц нажал дверную ручку, настежь распахнул дверцу. — Прыгайте, не бойтесь. — Нет, — прошептал Савинов. — Я хочу проснуться... — Извольте... — пожал плечами Принц. — Закройте глаза. Савинов боязливо зажмурился, и почти тотчас рука Принца, точно клешня, вцепилась в его лицо и с силой вытолкнула наружу. Последнее, что он увидел, была смеющаяся физиономия Принца, выглядывавшего из машины и стремительно удалявшегося от него...

Ангел

В петле

Остросюжет

Дмитрий Агалаков

Ангел в петле

«ВЕЧЕ»

2012

Агалаков Д. В.

Ангел в петле / Д. В. Агалаков — «ВЕЧЕ», 2012 — (Остросюжет)

Вы хотите переиграть свою жизнь? Полностью изменить ее, вернувшись назад? Пройти путь заново, избегая ловушек и капканов? Из неудачника превратиться в преуспевающего богача? Это возможно, но только в том случае, если в прошлом вам будет открыто будущее. Но есть условие: вам придется украсть чужую судьбу, отказаться не только от прежних ошибок, но и от любимых людей, которые верили вам. Помимо своей воли стать благодетелем одних и палачом других. И все это предстоит сделать, шагнув в пучину двух последних десятилетий XX века, которые перевернули Россию и миллионы человеческих судеб...

Содержание

Глава первая. Волшебник	6
1	6
2	13
3	15
4	22
Глава вторая. Мышиная лазейка	25
1	25
2	27
3	29
4	31
5	32
6	33
7	35
8	38
9	40
10	41
11	43
12	44
13	45
14	46
15	47
16	49
17	50
18	51
19	53
20	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Дмитрий Агалаков

Ангел в петле

©Агалаков Д.В., 2012

©ООО «Издательский дом «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Агалаковой Е.Г. посвящаю

Солнце над равниной Гизе палило нещадно. Сонно хлопали глазами оседланные верблюды. Молодая женщина в белой шляпе, прикрывая глаза ладошкой, смотрела вверх и улыбалась. Туда же смотрели и арабы-проводники. А он старательно карабкался наверх. В джинсах и майке, в кроссовках и перчатках, чтобы не разодрать руки, обезьяной взбирался по каменным глыбам. Можно хоть раз в жизни не пожалеть коленок и локтей? Стоило того! Он должен был забраться на вершину – и он заберется на нее! А глыб наверху становилось все меньше, и все больше наплывало небо. Темный конус становился ближе. И вот уже его руки цеплялись за последние камни вершины...

Голова закружилась – его повело в сторону. Он покачнулся, но удержался, устоял. Теперь он жадно смотрел вокруг – полземли открылось перед ним. Справа ослепительно сверкала на солнце далекая лента Нила, уходящая к Дельте, и пески охватывали все пространство, уставшими волнами подходя к пирамиде Хуфу.

Он снял бейсболку, утер вспотевшее лицо, снова надел ее. Внизу, в седле двугорбого верблюда, белым пятнышком выделялась Рита. Он помахал ей рукой – и она, кажется, ответила ему. Может быть, он не был богом или царем. Но его богатства и власти хватало для того, чтобы стать счастливым. На первых порах. Ведь он только начинал свой путь. Самое главное было впереди! Он твердо знал это. Верил. Главное, рядом была его королева. И где-то далеко отсюда, от равнины Гизе, жила в российских хоробах, хоть и пленницей, его ослепительная Жар-птица...

Глава первая. Волшебник

1

В тот зимний вечер Дмитрий Павлович Савинов сидел за письменным столом при свете настольной лампы и размышлял над заголовком статьи, без которого последняя выглядела беззащитной и серой.

Чай был выпит, сигарета докурена.

Хозяин дома лениво откинулся на спинку стула... Над его столом висел календарь с репродукцией. На картине открывалось поле, сплошь покрытое подсолнухами, над которыми парил ангел. По-своему – чудесное полотно. Оставалось закончить статью о гениальном художнике, не так давно сунувшем голову в петлю, и ждать гонорара.

За окном подвывала метель, но в доме Дмитрия Павловича было тепло и уютно. Только вот одна печаль – не было выпивки. А за углом до полуночи работало дешевое кафе, где подавали спиртное на любой вкус и горячую закуску.

Набросив в коридоре пальто и натянув теплую шапку, Дмитрий Павлович замер. Отчего с самого утра ему казалось, что этот день станет особенным в его жизни? Что за тайное предчувствие? Еще один самообман? Тем более, что и день-то шел к концу – остались одни крохи...

Дмитрий Павлович щелкнул замком и открыл дверь. Он вышел на улицу, плотнее запахнул пальто и уже через пару минут входил в питейное заведение. Знакомые лица, век бы которых не видеть... Кроме одного – милой девушки Полины, которая здесь была и за барменшу, и за официантку.

Кафе было небольшим, и она справлялась.

Иногда ему казалось, что он приходит сюда ради нее. Посмотришь на симпатичную Полю, на ее ладную, крепкую фигурку, на улыбку, которую она запросто раздаривала всем, ровные белые зубы, и жизнь кажется не такой уж плохой.

Дмитрий Павлович прошел к барной стойке.

– Что будете? – спросила девушка.

Она хорошо знала его в лицо.

– Двести граммов портвейна, – он полез в карман за деньгами.

– Бутерброд? – спросила Полина и улыбнулась. – С сыром?

И его королевское меню она хорошо знала!

– Именно так, Полечка, – с улыбкой кивнул он.

...Дмитрий Павлович глотал портвейн, то и дело поглядывая на Полину. Вот она сдувает светлую прядь с лица, ловко наполняет стаканы. Собирает посуду. И тогда между столиков мелькают ее крепкие ягодицы, обтянутые джинсами; материал вытерт на бедрах, на икрах девушки. А засаленный белый фартук, стянутый на талии, лучше любого платья от Кардена!

В стакане Дмитрия Павловича оставалось несколько глотков вина, когда напротив дверей забегаловки, выжигая фарами снег, остановился темный автомобиль. Дмитрий Павлович не мог поверить своим глазам: даже отсюда было видно, что там, среди февральской метели, остановилась дорогая иномарка. Фары погасли, открылась дверца; из салона выбрался мужчина в длинном черном пальто и, подняв воротник, поспешил к теплу.

Дверь открылась, питейная замерла...

Таких гостей забегаловка отродясь не видывала. Иноземный принц, не иначе! Все, что успел рассмотреть Савинов, это булавку на воротнике его рубашки. Нечаянно сверкнув, она ослепила большую часть посетителей; отблеск алмазного света заиграл даже в мутных стаканах

с выпивкой. Люди оживленно кивали в сторону незнакомца, подталкивая заболтавшихся соседей локтями, те торопливо оборачивались. «Гляди-ка! – неслось по столикам. – Занесло!..»

По-хозяйски оглядевшись, гость подошел к барной стойке и устроился на табурете рядом с Дмитрием Павловичем. Последний поднял глаза и тут же встретился с ироничным взглядом незнакомца и такой же улыбкой. Незнакомец был худощав и в меру смугл, его прямые черные волосы были прилежно зачесаны назад. Полина, приоткрыв рот, смотрела на него точно так, как смотрела бы на распустившего хвост павлина, случайно завернувшего в их забегаловку.

Завсегдатаи кафе умолкли, все смотрели на гостя.

– «Дом Периньон», красавица, – с насмешливой улыбкой обводя взглядом зал и косившихся на него людей, сказал незнакомец.

– Что? – озадаченно переспросила Полина.

– Год безразличен.

«Сволочь, – делая глоток портвейна, подумал про себя Дмитрий Павлович. – Пора убираться домой». Но в простецком «что» девушки так открыто прозвучал холодок к новому посетителю, вызванный его пренебрежительным тоном, что Савинов решил остаться. Представление только начиналось...

На мизинцах заезжего господина Дмитрий Павлович разглядел по дороговому перстню. На каждом запястье – по золотому браслету. Но это были не просто куски золота – в этих браслетах, в их гравировке, запечатлелась виртуозная игра ювелира с драгоценным металлом. От них трудно было отвести взгляд!

Хорошо понимая, что над ней потешаются, Полина ничего не говорила, но и не двигалась с места.

– Простите, – неожиданно обратился гость к своему соседу, которым и был Дмитрий Павлович, – что вы пьете?

Савинов уже ненавидел нового посетителя забегаловки, как-то сразу прицепив к нему насмешливое «Принц». Особенно раздражали его наглоющие глаза – навывкате. Впрочем, узкий орлиный нос, выступающие скулы и тонкий рот тоже были неприятны Дмитрию Павловичу.

– Я пью портвейн, – глухо отозвался он.

– И какой же?

– Самый обыкновенный. – Он покосился на Полину, которая не сводила глаз с незнакомца. – Проще не придумаешь.

– Девушка, – незнакомец взмахнул рукой. – Пожалуйста, мне такой же напиток, что пьет этот господин, – и он вежливо поклонился Савинову.

– Сколько? – спросила Полина.

Незнакомец вытянул губы в трубочку:

– Ну, скажем, граммов этак сто. Нет, двести. Да-да, двести. И ни капель меньше!

Девушка около минуты цедила портвейн для нового посетителя, верно, решив ответить издевкой на издевку.

– Закусить? – когда стакан стоял перед носом гостя, спросила она.

– Бутерброд, – покосившись на скромную закуску соседа, опять же Дмитрия Павловича, учтиво проговорил незнакомец. – Бутерброд с сыром, – и почти в упор посмотрел на Савинова. – Не правда ли, – неожиданно обратился он к нему, точно беседа их, едва прервавшись, продолжалась, – каждый человек в начале жизни похож на античного героя, которого ожидают впереди великие подвиги? Если, конечно, человек не законченный кретин. И едва он достигает юношеского возраста, ему хочется сесть на «Арго» и отплыть за своим руном – за великой удачей и не менее великой любовью?

– О чем вы? – поморщился Савинов.

– Правда, мы знаем, что судьба к героям беспощадна. И в конце их ждет разочарование. Часто – жестокая гибель. Но если бы судьба и силы природы смилостивились над тем же Ясо-

ном и разрешили бы ему прожить жизнь заново, согласился бы он на подобный эксперимент? И каковой была бы его новая жизнь?.. Надеюсь, мой вопрос не шокирует вас?

– Нет, но...

Его нечаянный собеседник огляделся:

– Тут такое занятное общество. Больше половины, я думаю, сочли бы мой вопрос за оскорбление, – нарочито серьезно нахмутив брови, он отрицательно покачал головой. – Но не вы, не вы... Так вот, я повторяю: вся жизнь Ясона, коль мы заговорили о нем, сплошной кошмар. Амбиции, гордыня, незаурядные возможности, справедливые порывы, любовь, страсть, подвиги, а в конечном итоге – бомж, погибающий под развалинами корабля, который, кстати, когда-то олицетворял его мятущуюся душу и честолюбивые планы. Потому я и спрашиваю: как, по вашему мнению, согласился бы Ясон, выдайся ему такая возможность, прожить свою жизнь заново? – Незнакомец отхлебнул портвейна, поежился. – Потрясающий яд! Я бы назвал его «Букет Цезаря Борджиа». – И точно в знак подтверждения своих слов, многозначительно кивнул. – Но – продолжаю. И не просто прожить: повторить, как под копирку, – но шагать, зная все будущие препятствия, могущие встретиться на пути. Зная, что за паскуда его дядюшка Пелий и что за стерва – будущая жена Медея. Представьте: с Ясоном остались все его ошибки, промахи, поражения и, конечно, победы! И теперь он заново выброшен в мир. Сколько преимуществ, не находите? – Он выдержал паузу. – Разрешите, я вас угощу?

Дмитрий Павлович усмехнулся:

– Не стоит.

– Прощу вас. Не то вы меня обидите. Просто...

«Пить с этим странным типом?» – думал Дмитрий Павлович. Он осторожно огляделся: к незнакомцу уже теряли интерес. Не слона же привели в кафе наконец! Так почему бы и не выпить с ним, ведь гремит же он стаканами со всяким сбродом в редакциях паршивых газетенок? Чем этот франт хуже его болтливых коллег?

На смуглом лице незнакомца расцвела доброжелательная, немного лукавая улыбка, брови вопросительно потянулись вверх: так, молчком, он повторял свой вопрос.

– Деньги есть – покупайте, – пожал плечами Дмитрий Павлович.

– Отлично, – отозвался тот. – Девушка, еще два раза по двести портвейна и... – он на секунду задумался, – и два бутерброда с сыром. С вашим великолепным пикодоном!

– Греческая трагедия на то и есть греческая трагедия, – в ожидании заказа допивая свой портвейн, сухо вступил в разговор Дмитрий Павлович, – что ход человеческой жизни необратим, как ни поступай. Вы должны это знать, коль заговорили на подобную тему... Или ваш вопрос отвлеченный?

– В точку! Мой вопрос – отвлеченный. Не хуже вашего я знаю о законе жанра. Никуда, мол, не денешься: рок, злая судьба. Пинок под зад уготован в самом начале. И, как ни вертись, все равно угодишь под каблук Творца... Я угадал?

– Угадали.

– Но мы-то с вами не древние греки. Вообще не греки... Или, простите?...

– Нет-нет, я не грек.

– Ну, вот видите. И можем хотя бы предположить, что они, эллины, сгущали краски? Дело не в самом факте возможности вернуться назад с багажом знаний. Почему, вы думаете, я заговорил о Ясоне? Потому что он – человек великих страстей и возможностей. Он – личность! А что в конечном итоге? Старик бомж сидит у развалин корабля, понимая, что обманут коварным миром и жестокосердными богами! Но кто, как не он, достоин попытки еще раз пройти свой путь?! – Незнакомец поймал взгляд Полины, с интересом наблюдавшей за ними, рассеянно улыбнулся ей. – А теперь представьте: полдень, море, корабль, осевший в песок. Старик. И вдруг за его спиной – тень. Не важно, кто из богов это может быть. Тень говорит ему: «Ста-

рик, хочешь прожить жизнь заново?». Тот в недоумении. А тень продолжает: «Вначале, чтобы ты поверил мне, я позволю тебе почувствовать себя молодым. Но перспективы наши велики!..»

Собеседник Дмитрия Павловича отхлебнул портвейна, задумался.

– Вот один мой знакомец, архитектор, говорит мне так, – продолжал он. – Я думал, что родился на свет для счастья. Любить, созидать, получать всевозможные удовольствия, – он обернулся и в упор посмотрел на Савинова, – а этот жестокий мир взял и обманул меня. Правда, неожиданность? – ха! Кстати, он тоже не грек. Россиянин! Первая жена оказалась алкоголичкой. – Принц с подозрением посмотрел на свой стакан. – Краснуху глотала только так. Он ее бросил. Вторая сбежала с любовником – его же другом. Таланта не оказалось. Дом, который он построил, не рухнул только по счастливой случайности. Но трещину дал. Его собираются обвязать стальным тросом, да только всё обещают. Насколько я знаю, жильцы этого дома до сих пор ищут фамилию главного устроителя своих несчастий. И даже один вполне интеллигентный человек, кандидат технических наук, готов пойти на мокрое дело. Сделать, как говорится, архитектору амбу. А к тому времени моему знакомцу уже перевалило за сорок. Штиль? Нет, хуже. Материальный недостаток, апатия. Последняя любовь и надежда взяла и ушла к более удачливому архитектору. Занялся бизнесом, так едва не лишился жизни. Из двухкомнатной квартиры переехал в однокомнатную. И еще тысяча всяких неприятных вещей, которые поджидают человека его лет на перепутье. Никакой цели. Теперь он работает ночным сторожем в той конторе, в которой когда-то сидел за планшетом и, если так можно выразиться, творил. Имеет секс два раза в неделю с уборщицей Раисой, которая старше его на семь лет, – в ее смену, на его диванчике дежурного. Вот он и говорит мне: все обман. Я представлял себе мир другим, а он оказался полным говном. Так что все это – трагедия? Рок? Свыше уготованная человеку пакость? Одно верно: жизнь-то одна, и она проходит. А кому, как не человеку средних лет, знать, как быстро улечувиваются дни, пробегают недели, месяцы, годы. Позади – бессмысленная жизнь, если, конечно, у тебя нет прописки на Олимпе. Черета никуда не годных поступков, как это часто бывает. Бессмысленное и однообразное свинство, неприкаянность. Впереди – жалкая старость, смерть. – Гость утвердительно покачал головой. – Вот и сидит мой знакомец на берегу и горюет о напрасно прожитой жизни. Да, и еще веревку намылить грозит. Правда, сил ему для этого, уверяю вас, не хватит. Так и будет тащить ляжку. Или, если хотите, крест.

– Это верно, крест, – соглашаясь, рассеянно кивнул Дмитрий Павлович.

Он улыбался: вино сделало свое дело – то ли доброе, то ли злое. Кто его знает. В голове приятно шумело. Главное, было тепло и уютно.

– И вот я спрашиваю своего знакомца: что бы ты отдал за то, чтобы все в твоей жизни изменилось? Однокомнатная квартирка в микрорайоне, доставшаяся после размена, на котором настояли бандюки, превратилась в роскошный особняк? Каморка дежурного – в респектабельнейший офис, где ты – хозяин? Построенный дом, который грозит развалиться, в прекрасный дворец? Чтобы бесформенная Раиса обратилась в Дженифер Лопес? И главное, чтобы жизнь приносила тебе исключительно счастье. На что мой знакомец отвечает: «Все бы отдал». А я вот ему не верю.

– Почему? – спросил Дмитрий Павлович.

Незнакомец залпом выпил остатки портвейна, поморщился. Закусил бутербродом.

– Да потому что нет в его глазах той искры, чтобы я мог поверить ему. Лежать на диванчике дежурного похожим на холодный оладий, с мутным взором и говорить: «Все бы отдал». Презренная картина! Это должно звучать не так. «Все бы отдал!!!». Три восклицательных знака. И в глазах – огонь. А еще лучше по-другому... – Собеседник лукаво улыбнулся, встретился взглядом с Дмитрием Павловичем. – Внешне вроде бы ничего и не происходит. Серые однообразные дни, скептический взгляд. Но в сердце – огонь. «Все бы отдал!». Так даже силь-

нее. Искреннее. – Гость постучал костяшками пальцев по стойке. – Милая, еще двести граммов вашего чудесного напитка! А вам? Простите, как вас зовут?

– Дмитрий Павлович.

– А вам, Дмитрий Павлович?

– Мне тоже.

– Милая, четыреста! И еще два бутерброда.

– А как вас зовут? – спросил Савинов.

– Ну а как бы вы назвали меня?

– Когда вы только вошли, я подумал, что заморский принц пожаловал.

– «Заморский» можно опустить, а на второе определение я согласен. Будет даже приятно.

– Вы серьезно?

– Вполне, Дмитрий Павлович. А вот и наш «Дом Периньон» поспекает...

«Неужели напьюсь?» – думал Савинов, глядя, как Полина, открыв новую бутылку, разливает для них портвейн. – Да, напьюсь. Черт с ней, с этой статьей, заголовком. С этим растреклятым меценатом и его художником, главными героями статьи. Провались они все пропадом... – Он взглянул на собеседника. – Что ж, Принц так Принц».

Полина подала стаканы, поставила перед ними блюдце с бутербродами.

– Милая девица, – кивнул на нее новоиспеченный аристократ, экзотический посетитель кафе. – Очень милая... Она вам нравится, Дмитрий Павлович?

Савинов пожал плечами.

– И все-таки? – не отставал собеседник.

– Может быть.

– Конечно, простовата. Но как прекрасна в своих вытертых добела джинсах, майке и этом фартучке, выдавшем виды, – Принц точно был на вернисаже, разве что объект, им обсуждаемый, все время передвигался. – Крепкая и в то же время изящная. Почему бы вам не пригласить ее к себе домой?

Дмитрий Павлович поднял брови:

– С какой это стати? Вы же не знаете, вдруг у меня дома жена?

Принц с сомнением покачал головой:

– Думаю, у вас дома никакой жены нет. Сейчас нет. Мне почему-то так кажется...

Савинов хотел было обидеться, но вместо того вздохнул:

– Вы правы, сейчас у меня дома никакой жены нет. Ее нет последних лет этак... несколько.

– Вот видите. На вашем месте я бы обязательно попытался поближе познакомиться с этой девицей.

Савинов поднял на разговорчивого Принца глаза:

– А почему бы вам это не сделать на вашем месте?

Его собеседник усмехнулся.

– Вот вы какой, Дмитрий Павлович. Что и говорить, в вас чувствуется порох. Отвечу вам прямо: три прекрасные дамы, которые работают на меня, воплощают в жизнь все мои эротические фантазии. А я фантазер! Ну а потом, я бы никогда не перешел вам дорогу! Ведь мы немного подружились, не так ли? Действуйте, Дмитрий Павлович, действуйте!

Но Савинов отхлебнул портвейна и отрицательно покачал головой:

– Даже если она мне симпатична, это ничего не значит. Кстати, я вам не сказал. Мне скоро исполнится сорок три года. Я нищий журналист, к тому же не люблю свою профессию. У меня уже никогда не будет такой машины, как у вас. И такого дорогого костюма. И я вряд ли когда-нибудь буду пить «Дом Периньон» так, точно это – самый привычный для меня напиток. Увы. Что вам еще сказать? Когда-то я нравился женщинам, да и сейчас они обращают на меня

внимание. Только эта девочка совсем не обязана идти со мной. Я думаю, у нее есть молодые приятели на машинах, которые отвезут ее поначалу в клуб, а потом – к себе.

– Это, конечно, не исключено, – слушая его, кивал головой собеседник. – Но все-таки попробовать могли бы. Мне кажется, вы ей тоже симпатичны.

В Савинове опять вспыхнуло раздражение.

– Так что там с вашим приятелем? – уклоняясь от дальнейшего разговора на женскую тему, спросил он у Принца. – С этим вашим неудачником?

– С моим знакомцем?.. Я отказался ему помочь.

– Вы отказались ему помочь?

– Ну да. Повторяю, помогать хочется тем, в ком еще теплится жизнь. А покойникам – зачем? Нужно хотеть, желать все изменить. Страдать оттого, что все случилось так, а не иначе. Более того – знать, чего ты хочешь. – Он остановил взгляд на Дмитрие Павловиче. – Вот вам бы я помог...

– Мне?!

– Да, именно вам, Дмитрий Павлович.

– И каким же это образом?

– О, этих образов бесконечное количество. Кому что нужно.

Разговор неожиданно стал забавлять Савинова. Он просто развеселил его!

– И как же вы можете помочь мне?

– Что касается всей жизни или одного сегодняшнего дня? Ночи?

Савинов, которого уже готов был разобрать недобрый смех, только недоуменно покачал головой:

– Всей жизни? Да Бог с ней, со всей-то жизнью! Пусть будет сегодняшний день. Ночь... Слабо?

– Отчего же слабо? Очень даже возможно. Только все будет зависеть от вас.

– Как это?

– Видите ли, помочь человеку можно только в том случае, если он сам хочет помочь себе. Если он готов на поступок. Совершите этот поступок, и пройдете в дамки. На всю ли жизнь или хотя бы на один день. – Он как-то сладко улыбнулся. – На одну ночь.

– Что же я должен сделать?

– Подумайте, пораскиньте мозгами. А когда решите – делайте и совершайте. Успех я вам обещаю. – Принц взглянул на часы. – Ого! Без пяти десять... Наверное, я покину вас, Дмитрий Павлович. Мне пора: дела. – Принц сполз с табурета. – Вашу руку, уважаемый.

Они обменялись рукопожатием. Ладонь у Принца была горячая, кисть сильная и цепкая, точно всю жизнь он тренировал руки, лазая по скалам.

– После портвейна за руль – не боитесь? – почти с вызовом спросил Дмитрий Павлович.

– Я ничего не боюсь! – беззаботно откликнулся тот.

Сдаваясь, Савинов покачал головой. Что ж, красиво жить не запретишь.

– Может быть, еще увидимся, – сказал на прощание Принц. – И если вы оправдаете мои надежды и свои желания, то очень скоро!

«Его надежды и мои желания, – усмехнулся про себя Савинов. – Катись, любезный. Ска-тертью дорога!».

Еще через минуту машина Принца завелась, тронулась с места и исчезла. Дмитрий Павлович огляделся. Многие разглядывали его, недавнего собеседника эдакого франта, все еще с любопытством. Он взял свой стакан и направился к дальнему столику. Уже оттуда Савинов смотрел на пустеющий зал, на Полину. А едва прикрыл глаза, тотчас стал тонуть в мутном потоке забвения.

Когда Савинов открыл глаза, то в первое мгновение подумал, что он один в этом кафе, что его просто-напросто тут забыли. Но тотчас услышал слабый гул нескольких голосов в про-

тивоположном углу. Там еще кто-то ерепенился, балагурил. Значит, он заснул? Наверное, этот скандалист и разбудил его.

Заснул, точно старик выпивоха!

«Как быстро улечиваются дни, – неожиданно для самого себя подумал он, – пробегают недели, месяцы, годы. – Дмитрий Павлович устало обвел взглядом забегаловку, вздохнул и сразу почувствовал во рту кислый привкус вина. – Позади – бессмысленная жизнь, впереди – прозябание, жалкая старость, смерть. Впору взять и намылить веревку. Правда, сил для этого не хватит. Так и придется тащить лямку до бесславного конца. Или крест...».

Господи, точно за него говорил кто-то! Там, внутри. В самом сердце. И тут же он вспомнил о Принце. Это были его слова – незнакомца из большого черного автомобиля. Только был он на самом деле или все это ему приснилось?

Дмитрий Павлович допил вино. А когда поставил стакан, то увидел стоявшую рядом Полину.

– Мы закрываемся, – негромко сказала она.

Не говоря ни слова, он разглядывал ее лицо – сейчас как-то совсем иначе, чем раньше. Оно было очень милым, приветливым, с рассыпанными по носу и щекам конопушками.

– Мы закрываемся, – вздохнув, повторила она.

– Я слышу, – кивнул он. – Сейчас... – И когда девушка хотела уйти, негромко окликнул ее. – Полина...

Она обернулась.

– Посиди со мной. Пожалуйста.

Полина, удивленная этим предложением, решала, как ей быть. А потом устало улыбнулась, села рядом на стул, положила перед собой руки. Все верно: девушка была прекрасна в своих вытертых добела джинсах, майке и тесном фартучке. Крепкая, изящная. Девушка была похожа на поспевший, налитой, сладкий плод, с которого только стоило снять тонкую кожицу, эту невзрачную одежку, и впиться в него зубами. Съесть, захлебываясь соком. Нужно только дотянуться до него. Мягкий рот, уставшие зеленые глаза, растрепавшаяся челка. От Полины пахло дорогими духами, но аромат ее самой, с легким привкусом пота, – молодое вино, не иначе, – был сильнее. И тогда Дмитрий Павлович почувствовал такое острое желание, какое не приходило к нему уже много лет. Он едва удержался, чтобы не протянуть к этой женщине руку, не привлечь к себе, не схватить губами ее приоткрытый, еще юный рот.

Он попытался скрыть волнение, несмело улыбнулся. И следом, опять неожиданно для себя, накрыл рукой пальцы девушки. Она не убрала руку, но смотрела на него так, точно ждала объяснений этому поступку. И в то же время, он мог бы в этом поклясться, все понимала – каждый удар его бешено колотившегося сердца.

– Приходи сегодня ко мне, – сказал он. – Я живу здесь рядом, через дом.

Она опустила глаза. Он больше не мог выговорить ни слова. Сердце ушло в пятки. Так же устало, как и минуту назад, улыбнувшись, Полина посмотрела на него:

– Через полчаса я буду свободна... Хорошо?

2

За окошком вьюжило. Эти несколько часов преобразили его спальню. Сюда вошли новые, прекрасные запахи, каких уже давно здесь не было! Еще вчера враждебный ему мир вдруг наполнился новыми красками, расцвел, зазвучал. Все неудачи, большие и малые, отступили. Им было не под силу дотянуться до него, помешать чувствовать себя счастливым.

Полина вышла из душа, быстро пробежала через комнату, нырнула к нему под одеяло, прижалась. Он провел рукой по ее бедру, оно было влажным. Еще теснее прильнув к нему, она зашептала ему на ухо:

– Я часто смотрела на тебя и ждала, что ты со мной заговоришь. Пригласишь куда-нибудь...

– Ты ждала этого?

– Да.

– Чем я так приглянулся тебе?

– Ты – красивый. У тебя мужественное лицо, ты хорошо сложен. И потом, твои глаза. В них так много чего-то такого... необычного... У ребят, с которыми я была, никогда не было таких глаз. Тебя один раз можно увидеть, чтобы никогда уже не забыть.

– Звучит, как песня. А впрочем, спасибо.

Она поцеловала его в плечо:

– На здоровье, Дмитрий Павлович.

– Вот и я о том же. Мне уже много лет, Поля. Сорок три. Пятый десяток пошел.

– Хороший возраст для мужчины. От молодых парней тошнит. Дураки они все. Только о себе думают: и в жизни, и в постели. Ты – другой... Мне было хорошо с тобой...

– Мне тоже.

Она неожиданно прыснула, приподнялась на локте:

– Ты набросился на меня, точно год не видел женщины. Я даже испугалась...

– Просто я понял, что если этой ночью ты не будешь со мной, я сойду с ума. Именно ты.

– Я догадалась – там, в нашем баре. Женщина всегда такое чувствует. Когда ты взял мою руку, мне это передалось, прямо сразу же. Ни с одним парнем у меня такого не было. Даже в глазах помутилось.

Она провела ладонью по его лбу.

– У тебя шрам над правой бровью. Откуда он?

– Это я подрался лет двадцать назад. Из-за пустяка. А драка вышла лютая...

– Расскажи.

– Хорошо... Я тогда учился на последнем курсе педагогического института, на истфаке. Летом – стройка, так полагалось по тем временам, и полевые работы. Из-за Марины, моей будущей жены, схлестнулся с одним работягой, сверстником. Он, подлец, оказался сильнее меня. Рыжий такой, кулачищи, как кирпичи. Одним словом, полетел я с первого этажа ровнехонько на бетонную плиту. Потерял сознание. Тот парень так напугался, что готов был тащить меня на руках в больницу – уже за решеткой себя увидел. Потом я оклемался. Все лицо залито кровью. Ничего не вижу. Сотрясение, два ребра сломаны, запястье. Из-за этого перелома пришлось бросить легкую атлетику. А ведь у меня было даже прозвище – Спортсмен. Ничего, главное выжил...

– Скажи, а этот человек в черном пальто – твой знакомый? – вдруг, точно это касалось чего-то важного, спросила Полина.

– Нет. Я видел его первый раз в жизни.

– Неприятный тип.

– Тебе он не понравился – почему?

– Он точно издевается надо всеми. Так мне показалось... Кто он?

Дмитрий Павлович задумался: действительно, целый час они проболтали с этим господином, а он даже не узнал, кто этот самый Принц.

– Представляешь, не знаю, – беззаботно ответил он. – Кто ставит выпивку, тот имеет на это право.

– Извини, я заметила, ты слишком много пьешь. Почему?

– Потому что не заговорил с тобой раньше. Теперь все будет по-другому. Если ты еще придешь ко мне.

– Когда захочешь.

– Хочу завтра вечером. Уже сегодня.

Она, точно щенок, лизнула его в щеку, прошептала:

– Значит, приду завтра вечером. Сегодня.

Полина ушла под утро, и он сразу впал в глубокое забытие. Обрывки его жизни, далекой, прежней, когда она только еще начиналась, проносились мимо... Потом было нагромождение бетонных плит, гудел кран, резали слух голоса; перед ним выплыла наглая рыжая физиономия парня, и почти тотчас же он получил удар в бровь, покачнулся, оступился и полетел вниз; это был мгновенный полет – он упал навзничь; лежал, и ему чудилось, что над ним черное звездное небо, холод...

Проснулся Дмитрий Павлович в десять. Прошлый день и впрямь вышел особенным. И сразу к нему вернулось видение, полное самых соблазнительных запахов: Полина, ее волосы, блуждающие по его лицу, ее приоткрытый рот. Долгая ночь. И наконец – утренний сон, и уже в этом сне – старая драка, запомнившаяся ему на всю жизнь.

Говорят, такие вот сны, под утро, вещи.

3

В редакцию Савинов не пошел – подождут денек, решил он. Днем Дмитрий Павлович сидел на диване, держа в руках распечатанную статью. Преуспевающий меценат, ныне здравствующий, и уже покойный художник не отпускали его. И дело было не в заголовке и не в обещанном Савинову гонораре. Еще раз к черту и то, и другое! Просто именно его современник, Федор Игнатьев, а не кто-нибудь другой, открыл художника Инокова, влюбленного в подсолнухи и ангелов, всему миру. Открыл и, удачно схоронив гения, стал обладателем великого сокровища.

Жар-птицы...

Поздним вечером Дмитрий Павлович возвращался из булочной. Метель улеглась. Еще часа два – и он будет встречать вчерашнюю гостью...

Он вошел в подъезд около семи, лишь мельком взглянув на большой черный автомобиль, стоявший тут же. Поднялся на второй этаж, полез в карман за ключом. И тогда же обернулся на шорох. От стены неожиданно отделилась тень, шагнула к нему. Дмитрий Павлович непроизвольно отпрянул.

– Пригласите на чашку чая? – вежливо спросил знакомый голос. И тут же, выходя на свет, недавний знакомец Дмитрия Павловича улыбнулся. – Нет-нет, это не бандит и не вор. Не бойтесь. Это всего-навсего я. Одинокое существо, которое бродит по свету. Знаете, ни родных, ни близких. Одни коллеги да боязливые просители.

Дмитрий Павлович был в замешательстве: он никак не хотел, чтобы Полина и этот сумасброд пересеклись. А Принц отвел полупальто и вытащил из потайного кармана круглую породистую бутылку.

– Армянский коньяк – пять звездочек. Французский не припас, увы. Не в обиде, надеюсь?

Дмитрий Павлович все еще пребывал в шоке. То ли все это было форменным издевательством, то ли он спал, то ли этому человеку от него было что-то нужно. Только что? Дружелюбный незнакомец тем временем в очередной раз расшаркался перед ним:

– Я видел, с какой миной вы пили дешевый портвейн, эту отраву, и мне было больно за вас, честное слово. Но на всякий случай, – он забрался свободной рукой за другой полог, – я прихватил и водочки. – Он смело выудил «Русский стандарт». – Не возражаете? Закуска-то, надеюсь, у вас найдется?

«Что же ему от меня нужно? – лихорадочно думал Дмитрий Павлович, уже вылавливая рукой в кармане ключ. – Вот так запросто набиваться в гости к незнакомым людям, да еще ночью...»

– Так как же насчет закуски, уважаемый Дмитрий Павлович? – с улыбкой переспросил Принц.

– Кильки в томате, – ответил Савинов, – пойдет?

– Кильки в томате – это божественно!

– Но только на часок, вы меня простите, – предупредил его Савинов.

– На часок, на часок! – с радостью заверил его Принц.

Гость в дорогом пальто, лучезарно улыбаясь, уже наступал на Дмитрия Павловича, пока тот отпирал дверь. Принц легко сбросил пальто в узкой прихожей, размотал белый шарф, вновь сверкнув булавкой, но на этот раз изумрудной; разулся.

– Можно пройти? – спросил он.

– Конечно, Принц, – сказав это, Дмитрий Павлович улыбнулся.

– Не забыли? – усмехнулся гость, проходя в комнату.

– Куда уж тут!

Вскоре бутылки чинно встали плечом к плечу на журнальном столике, из холодильника хозяином была извлечена банка килек в томате, нарезан хлеб и остатки лимона. А вместе с этим на столике появились и широкие бокалы, хранившиеся для особых случаев. Их выход на маленькую сцену вызвал одобрителный кивок гостя.

– Вы говорили, что вы журналист? – прохаживаясь по комнате, разглядывая пыльные репродукции на стенах, проговорил гость. – О чем сейчас пишете?

– Так, об одном меценате, которому здорово повезло, – усаживаясь в кресло, проговорил Дмитрий Павлович. – Садитесь, прошу вас... В провинции родился художник – гений, как теперь говорят о нем искусствоведы всех стран и континентов...

Замолчав, он прицелился глазами на бутылку: она была хороша. Принц сел напротив и, зацепив вилкой помятую кильку, положил ее на ломтик черного хлеба. Гость поднес бутерброд к нервным ноздрям и сладко зажмурился.

– Продолжайте, – пропел он, – продолжайте, Дмитрий Павлович...

Хозяин открыл коньяк, разлил его по бокалам и продолжал:

– Писал он себе картины, никуда не выезжал. Человеком он был, мягко говоря, странным. Одним словом, не от мира сего. И вот однажды в провинциальном городишке оказался по своим делам бизнесмен средней руки. А помимо прочего – любитель искусства. Так сказать, бизнесмен нового типа.

– О, я это очень хорошо понимаю, – кивнул Принц. – И что же дальше?

– Как рассказывает в своих опубликованных воспоминаниях счастливчик, все случилось весьма курьезно. Была весна, апрель, полдень. Федор Игнатьев, этот самый меценат, возвращался на казенной «Волге» – через предместья – в город. На восемьдесят шестом километре он остановился – решил выкурить сигарету. Вышел на обочину, отыскал дорожку, прошел по ней метров сто. Речка-гадючка, еще подо льдом. И там, недалеко от берега, увидел большую папку, альбом. Брошенный, как видно, недавно, потому что едва только стал намочать по краям. Игнатьев его поднял. И вот он, перст судьбы! Открывает Игнатьев папку, а там акварели. Подмоченные, кое-где испачканные. Но разве может испачкать грязь настоящее искусство? Он увозит папку домой и уже там раскладывает листы на полу. На следующий день Игнатьев едет на станцию Барятинскую, идет первым делом в библиотеку и спрашивает: чьи это могут быть рисунки? И старая библиотечка ему отвечает: ой, а не Илюши ли они Инокова? Есть у нас такой странный мальчик, художник. Посмотрите в читальном зале, там есть несколько его работ. Игнатьев заходит в читальный зал, смотрит на одну из стен и сразу понимает: это он! Через четверть часа Игнатьев уже в маленьком дворике, который охраняет однорукий гипсовый пионер. Он заходит в подъезд трехэтажного дома, почти барака, звонит в дверь номер один. И открывает ему... сам мастер. Как все просто: мальчишка отобрал плохие на его взгляд работы, отнес их и выбросил, как обрывок бумаги. В сердцах, конечно. Но художникам, особенно гениям, такие выходы свойственны. Игнатьев купил у художника все работы! – Савинов выпил коньяк залпом. – Правда, Илья поначалу противился, но меценат убедил его: мол, полотна не должны храниться в маленькой комнатке автора, это – преступление перед Богом и людьми, и на них должен смотреть весь мир. Он пообещал юноше устроить выставку. Решающую роль в торге сыграла мать Инокова, Зинаида Ивановна, женщина простая и глупая. То ли наладчица, то ли фасовщица. Она даже не представляла, какого родила сына! Она скорее приняла бы за последнего дурака их богатого гостя, чем признала бы в сыне гения. А получив деньги, о каких не смел и мечтать, юноша пришел в восторг. Накупил холстов, красок, кистей и с новым жаром принялся за работу. Через год бизнесмен приобрел у Инокова новую партию картин. Потом – еще одну. Выставки художника устраивались в «большом городе», откуда приехал бизнесмен, – в нашем городе. Первая была в салоне «У Анны», вторая – уже в городской художественной галерее. И каждый раз Игнатьев привозил и самого автора. Но тому не нравился большой город, и он почти тотчас же уезжал обратно – домой, где в тишине и покое мог работать. В один из при-

ездов художник влюбился – на своем вернисаже. Это была прекрасная девушка лет двадцати, Вероника Постникова. С белыми волосами до ягодиц. Она, в свою очередь, была влюблена, по-детски, в его картины, но как к мужчине была к Инокову равнодушна. Одним словом, безответная любовь!

Прервавшись, Савинов плеснул себе и гостю коньяку. Принц не сводил глаз с собеседника. Они чокнулись, выпили, и Дмитрий Павлович продолжал:

– К тому времени хитрец меценат составил с художником закрепленный юридически договор: ближайшие десять лет все картины, написанные художником, будут принадлежать ему. И заплатил за это юноше немалые деньги. У Инокова с матерью появилась квартира в большом городе, хорошая мастерская... Я вас не утомил своим рассказом?

– Ничуть, – проговорил Принц, серьезно слушая хозяина. – Продолжайте, я весь внимание.

– За месяц до подписания договора, на который меценат подтолкнул художника всеми хитростями, он отослал несколько работ мастера в Америку, в одну из самых престижных галерей, к некоему Биллу Андерсу. И вот этот самый Билл Андерс вскоре отписал скромному российскому коллеге, что, возможно, за «его» художником великое будущее. И лет этак через десять работы Инокова будут стоить баснословных денег. Художника несомненно ждет признание; живи он в цивилизованной стране, он бы получал огромные гонорары за свои работы. А после смерти он вошел бы в сонм богов от искусства! Более того, Билл Андерс приехал в Россию, в Москву, отложив поездку в Лондон. Самолет, на котором он должен был лететь в Англию, разбился. Иноков просто-напросто спас ему жизнь! Известный искусствовед Ковальский поддержал Андерса, официально назвав Инокова гением. Андерс предложил перепродать контракт с Иноковым ему. Игнатъев вначале воспротивился, но потом согласился. – Хозяин дома хитро улыбнулся. – И вот почему. Иноков попал в кабалу, и в нем произошел надлом. Да и юная женщина, эта Вероника Постникова, сыграла в истории немалую роль. Художник перестал работать. Меценат уговаривал его, увещевал, все бесполезно. Потом творческий взрыв – целая серия картин, полных кошмаров, мучительных сновидений, где вместо ангелов, прежде так любимых художником, появляются бесы. Именно тогда Игнатъев – этот чертов хитрец! – и перепродал спешным образом Инокова Андерсу. Но эти двое даже не успели познакомиться. Помешала смерть художника. Иноков повесился в своей городской квартире, так и не дослужив новому хозяину свой кабальный срок. Другими словами, надул его. Андерсу досталось от Инокова немного. Кто не прогадал от смерти художника, так это Игнатъев. Более тысячи работ осталось у него. Что до картин Инокова, к тому времени они стали широко известны за границей, возросли в цене десятикратно. Часть их меценат продал, купив в Берлине и Париже по весьма уважаемой галерее, другую часть оставил себе. Вот такая счастливая судьба одного и весьма печальная другого. – Савинов плеснул в бокалы коньяк. – Неужели вы никогда не слышали об этой истории?

– Слышал, – неожиданно признался Принц. – Тем более, что работы Инокова экспонируются во всех галереях мира. (Слушая его, Дмитрий Павлович оживленно кивал.) В прошлом году я был проездом в Нью-Йорке и в музее современного искусства, представьте, натолкнулся на подсолнухи Инокова. Я был приятно поражен: целый зал – золото под синими небесами! И ангелы парят над ними, – воодушевленно улыбнулся он. – А вы... были в Нью-Йорке?

Савинов тоже улыбнулся – он не ожидал такого вопроса:

– Увы, Принц, не был.

– А в Венеции? Не проплывали мимо Дворца дождей?

– И мимо Дворца дождей не проплывал.

Опустив глаза, его гость понимающе кивал.

– И с вершины пирамиды Хеопса полмира не обозревали...

Савинов пожал плечами:

– Что тут скажешь – не обозревал.

– Жаль, очень жаль! А ведь именно вы, Дмитрий Павлович, – Принц цепко посмотрел в глаза хозяину квартиры, – больше других достойны этих крохотных сюрпризов от жизни. Но вы всегда недооценивали себя. Боялись, прятались от себя же. Сколько лет – и все впустую! А я так и вижу вас, уважаемый Дмитрий Павлович, в дорогом смокинге, с астрой в петличке, окруженного богатыми людьми и прекрасными женщинами!

Видно, коньяк приятно пробрал не только Савинова, но и его гостя. Следующие четверть часа, развалившись в кресле, Принц развивал тему. Он говорил о том, что видит Дмитрия Павловича то на собственной яхте, то в роскошном особняке где-нибудь на Ривьере. А также в окружении художников, писателей и «прочего великолепного творческого сброда, без которого жизнь оказалась бы скучной!». Мыльные пузыри так и летали вокруг Савинова, кружили и с шумом лопались у самого носа.

Дмитрий Павлович даже стал морщиться. Он уже то и дело поглядывал на часы – время их посиделок подходило к концу. Еще минут сорок, и придет Полина. Пора было вежливо выпроваживать богатого говоруна.

– Кстати, не ваша ли это статья? – метко подметив с десятков машинописных листов на рабочем столе, спросил Принц. – Разрешите взглянуть? – И, не дождавшись ответа, встал и подхватил их пальцами. – А где же заголовок?

– Еще не родил, – откликнулся Савинов.

Бесцеремонность гостя, беззаботного путешественника, начинала ему докучать. Тем более, что тот полноправным хозяином прохаживался по его комнате и, точно редактор, цепко проглядывал текст.

– Вы меня еще раз простите Принц, но я жду гостей, – еще через минуту признался Савинов.

– Даму? – не отвлекаясь, спросил Принц.

– Вы угадали – даму.

– Позвольте догадаться – эту девочку из питейной, Полину? – оторвался от чтения гость. – Значит, вы меня послушались?

– То есть?

– Кажется, это я вам посоветовал пригласить к себе ладную девочку Полю... Хорошо провели ночь?

Савинов начал было сердиться:

– Ну, знаете, Принц, это уже мое дело.

– Простите, Дмитрий Павлович. Но смею догадаться по вашему лицу, что хорошо. Это я понял, едва мы сели друг против друга. И очень славно. Я рад за вас. Значит, я угодил вам...

– Что это значит – угодил? – нахмурился Савинов.

– Ну как же? – все еще держа в руках статью, удивился Принц. – Я, как вы помните, предложил вам помощь – по жизни, или на один день, ночь. «Да Бог с ней, со всей жизнью, – скептически усмехнулись вы. – Пусть будет ночь». Что ж, вы совершили поступок, как я вас учил, и прошли в дамки. У вас ко мне не может быть претензий – я выполнил свое обещание.

Дмитрий Павлович даже привстал от удивления:

– Вы что же, заплатили Полине деньги? Я не верю.

– И правильно, Дмитрий Павлович. Как вы могли обо мне такое подумать? Очень нехорошо, крайне нехорошо...

– Тогда я в толк не возьму, о чем вы говорите.

– А вот это очень плохо. И самое главное – обидно!

Все это стало Савинову надоедать. «Заморский выскочка» точно и впрямь издевался над ним!

– Как бы то ни было, Принц, я жду ее. Она придет через полчаса. Простите, что мне еще раз приходится просить вас уйти, но у нас был уговор.

Незнакомец с чувством глубокого сожаления отрицательно покачал головой:

– Полина не придет. – Он хитро улыбнулся. – Ни через полчаса, ни через час.

Последнюю реплику Савинов пропустил мимо ушей.

– Почему же это не придет?

Усаживаясь обратно в кресло как ни в чем не бывало, Принц развел руками:

– У нее простуда. Не беспокойтесь, Дмитрий Павлович, ничего страшного. Прохватило на сквозняке. Я так и вижу, как с полчаса назад, между мойкой и залом, она пощупала лоб – и он оказался горячим. Полина вспомнила, что весь день у нее была слабость. А сейчас она смотрит на градусник. Ого, да у нее температура! Градусов этак тридцать восемь, – гость искоса взглянул на хозяина квартиры, – ну, хорошо, хорошо, тридцать семь и восемь. Сейчас она решает, что лучше отлежаться дома, но вначале ей следует позвонить вам и предупредить, что она не придет. Вот она подходит к служебному телефону и набирает ваш номер: первая цифра... пятая, седьмая...

На диване ожила телефонная трубка. Дмитрий Павлович быстро поднялся, взял ее.

– Алло... Да, милая... Заболела?... Температура? Тридцать семь и восемь... Да, конечно... Ты уверена?... Хорошо, милая, выздоравливай... Да, буду ждать. Целую нежно. До свидания...

Савинов посмотрел на Принца, тот с сожалением развел руками.

– Кто вы? – спросил Дмитрий Павлович. Он стоял перед гостем с трубкой в руках, не зная, как ему быть дальше, что предпринять. – Кто вы?..

Принц хищно улыбнулся:

– Так и подмывает сказать: «Волшебник»!

– Мне не нравятся ваши игры, – твердо сказал Савинов.

– А мне – напротив, – откликнулся гость. – Скажите честно, – кивнув на машинописные листы, он снисходительно улыбнулся, – вам очень дорога эта бездарная писанина?

– Простите?..

На этот раз гость пренебрежительно тряхнул рукописью и весело повторил:

– Вам и впрямь так дорого вот *это*?

– Послушайте...

– Дмитрий Павлович, ваш рассказ был превосходен, потому что вы говорили то, о чем думали. В вашем рассказе была страсть и здоровая человеческая зависть, – доставая из кармана зажигалку, Принц поморщился, – но эта писанина – ложь! Слюни и ложь! – Он разочарованно покачал головой. – Впрочем, какая разница, статейка вам все равно больше не пригодится!

И, к великому изумлению Савинова, гость щелкнул зажигалкой и подпалил листы с одного края.

– Что вы делаете?! – шагнув к нему, изумленно спросил Савинов. – Вы с ума сошли, у меня нет черновика! Я за нее гонорар должен получить!

Он протянул руку, но гость ловко отдернул листы.

– Доверьтесь мне, Дмитрий Павлович, и расслабьтесь, – устало протянул Принц, наблюдая, как пламя расползается по бумаге, как она, темнея, закручивается в черные свитки. – Эти события уходят в прошлое. В безвременье. Я отпускаю их туда с легким сердцем. Меценат Федор Игнатьев, художник Иноков, миллионер Билл Андерс еще придут к вам, но в другом обличье. В каком – это будет зависеть от вас, как и эта ночь, проведенная в девушкой Полиной! Только от вас!

Дмитрий Павлович смотрел, как исчезает ненавистная ему статья. Но глядя, как превращаются в пепел строки, он испытывал непонятное для себя облегчение.

– Что же дальше? – хрипло спросил Савинов.

Принц бросил дымящиеся уголки бумаги с пепельной бахромой в пустую тарелку.

– Вы сами знаете, что. Еще лет восемь, десять, и ваша жизнь медленно покатится к закату. Через десяток лет вам надо будет представлять собой нечто большее, чем вы есть сейчас, чтобы на вас клюнула даже такая простушка, как эта Полина. И ни одного дня нельзя будет вернуть! Ни одной минуты! Это же те прекрасные алмазы, которые вы теряете безвозвратно. И каждый последующий – более дорогой, бесценный. Кто не умеет их ценить – тот и сам гроша ломаного не стоит. Таких людей – большинство, смею вас уверить. Но когда-то вы, Дмитрий Павлович, умели ценить эти брильянты. А потом потеряли веру. Сошли с дорожки и двинулись с толпой. Подумайте, как вы жили и как живете? Бездельничали, диссидентствовали. Ораторствовали впустую. Кому это было нужно? Вас обманули, обошли. Вы потеряли свою королеву. Шляетесь по забегаловкам. Я не зря говорил о яхтах и особняках! Они рядом – протяни руку. Частные галереи в европейских странах. Вы сами хотели стать художником – не получилось. Но у вас есть другой талант – вкус, чутье, ум! А с ними может появиться возможность открывать гениев миру. Скажите мне, что вы не мечтали занять место Федора Игнатьева, и я уйду сейчас же. И никогда больше не встану у вас на дороге!

Дмитрий Павлович не сводил с гостя глаз.

– Я хотел стать художником, но не говорил вам об этом. Так все-таки... кто вы такой?

– Вчера вы угадали. Я – Принц. Это мое настоящее звание. Имя. Прозвище. Ни больше ни меньше. О владениях своих я вам рассказывать не буду. Думайте сами, что хотите. Боюсь напугать!

Голова Савинова шла кругом. Но гость его поостыл, плеснул в свой бокал остатки коньяка, залпом выпил его.

– Да вы садитесь, Дмитрий Павлович, – гость прихватил с блюда дольку лимона. Вопросительно и одновременно весело взглянул на открывшего было рот Савинова. – Садитесь, в ногах правды нет.

– Что же вам нужно взамен, Принц? – усаживаясь на край дивана, спросил хозяин дома. – Наверное, как обычно, что бывает в таких случаях?

– Вы о душе? – поднял брови его гость. – Ничего подобного, уверяю вас! Никаких документов, никаких подписей кровью. – Положив дольку лимона на язык, Принц разжевал ее и отчаянно сморщился. – Просто хочу сделать подарок человеку, который его заслуживает, – объяснил он. – Я ведь меценат! Кстати, Дмитрий Павлович, вы скоры на подъем?

– А что такое?

– Предлагаю не тянуть время и отправиться *туда*, – он сделал ударение на этом слове, – немедленно.

– Это куда же – туда?

– Пошевелите мозгами, Дмитрий Павлович... Куда вы сами хотели попасть последние годы. И точно осознали это, когда вам стала известна история о меценате и художнике.

– А что же, машина времени неподалеку?

– Ну, вы же видели мой «мерседес», он сойдет. Если бы вы жили в веке этак восемнадцатом, я бы посадил вас на вороного коня – позади себя. А поскольку на дворе двадцать первый век, и нам отставать от него негде. Разве я не прав?

– Наверное, правы... Значит, вы предлагаете мне прокатиться?

– Вот именно. Одевайтесь.

Дмитрий Павлович взглянул на стол, где стояла початая бутылка «Смирнова». «Нужно выпить еще, и немедленно, – думал он, – чтобы окончательно не повредиться в уме или не дать в морду этому проходимцу с изумрудной брошью».

– И вот что, – укоризненно проговорил гость, – вам надо поменьше пить. Когда все начнете заново, не увлекайтесь этой пагубной страстью. Алкоголь и дело несовместимы!

– Ценный совет... А как же Полина?

– А вам разве жаль ее потерять?

– Возможно.

Принц скорчил недоверчивую гримасу:

– Не играйте со мной – дело-то бестолковое.

– Хорошо, не жаль... Если, конечно, я получу взамен что-то большее.

– Конечно, получите. Надо только постараться.

Принц встал, расправил плечи.

– Я иду одеваться. Торопитесь, Дмитрий Павлович, торопитесь. Мы должны оказаться на месте ровно в полночь. Знаете, век веком, а традиция – традицией.

Савинов поднялся за ним, но, не сделав и двух шагов, остановился:

– Послушайте, все это смешно...

– Ни в коем случае, – отозвался Принц уже из коридора, – все очень серьезно!

– Куда же мы сейчас поедем?

– Куда мы поедем вместе, это неважно. Лучше спросите, куда поедете вы, когда наши дороги разойдутся. Себя спросите... Все будет так, как вы пожелаете. – Принц бодро, фальцетом, затянул отрывок из «Риголетто» – «Сердце красавицы». Но оборвал себя так же быстро, как и начал. – Вы окажетесь там, где вам подскажет оказаться интуиция... Я уже в пальто!

4

Они вышли из подъезда. Эта ночь была полной противоположностью вчерашней. Ни малейшего дуновения ветра. Выпавший к вечеру снег лежал на ветвях деревьев. Горели окна домов. Взору открывался чистый небосвод – с россыпями звезд и луной.

Дмитрий Павлович потянул носом морозный воздух – это было настоящее блаженство. И только тогда заметил стоявший в двух шагах от подъезда черный «мерседес» своего гостя.

– Ах, в такой вечер путешествовать одно удовольствие! – почти пропел Принц. – Не украли мою машинку, и то хорошо. Без сигнализации, знаете. Надеюсь на авось. Так когда-нибудь и поплачусь за свою простоту!

Пока он стучал носком башмака по шинам, Савинов смотрел на свой дом. Старый домишко, он был привязан к нему. Последний и единственный порт, пристань. Одно из окон его квартиры горело.

– Кажется, вы забыли выключить свет на кухне? – точно читая его мысли, напомнил Принц.

– Знаю, – сказал Дмитрий Павлович. – Уходя, я иногда оставляю свет. Не так страшно возвращаться. Когда он горит, есть иллюзия, что тебя кто-то ждет...

– Вас ждали именно здесь? – стоя напротив Савинова по другую сторону автомобиля, спросил Принц. – Я угадал?

– Да, угадали. Вначале мать. После ее смерти – Рита, моя последняя жена, – пояснил он. – И если иногда я забывал о времени, то именно с ней – здесь.

– Это большое счастье – не помнить о времени.

– Вот именно. Так что пусть горит свет на кухне. Путешествие не продлится долго.

Язвительная улыбка проползла по губам Принца:

– Все так говорят. – Он открыл дверцу, сел за руль. – Прошу вас, Дмитрий Павлович.

Савинов потянул на себя дверцу, забрался в салон.

– Вы, надеюсь, не собираетесь отвезти меня в лес и там зверски убить?

– Убить – нет. Я дарю жизнь, а не отнимаю ее. Прекрасную, роскошную жизнь!

Принц, точно забыв о собеседнике, закрыл глаза. «Господи, зачем он все это делает? – думал Савинов. – Может быть, выйти прямо сейчас? Послать этого Принца куда подальше? До чего же надо было дойти, чтобы отправиться куда-то с незнакомым человеком, полусумасшедшим, чудаком. Искать счастье, которого нет и быть для него не может. Или у него все-таки есть шанс? Маленький? Крошечный?»

– Кстати, музыку хотите?

– Нет, – откликнулся Савинов.

– И правильно, будем слушать тишину и пение звезд. – Он завел мотор. – Ну что, в путь? Не бойтесь?

– Что это все мне напоминает? – ответил вопросом на вопрос Дмитрий Павлович.

Принц усмехнулся:

– Я вам скажу. Старую легенду. Очень старую. Покрывшийся плесенью миф. Вы напоминаете себе старика профессора, тщетно мечтающего покорить природу, вселенную, вечность. А рядом с вами тот единственный, кто может помочь в этом!

«Мерседес» скользил по запорошенному снегом городу, вначале по тихим улочкам, потом, среди потока машин, по широкой трассе, ведущей из города в ночь. Когда черный автомобиль Принца ворвался в пригород и вокруг уже не было ничего, кроме темной полосы деревьев по обе стороны дороги, белых полей, Савинов, до того сидевший молча, не вытерпел:

– Куда вы меня везете?

– Обманулся я в вас – воспользовался вашей доверчивостью. Есть тут недалеко «малина». Мои подручные, с ножичками, знаете... Да шучу я, шучу. Доверьтесь мне, Дмитрий Павлович, прошу вас.

– Я все-таки хочу знать...

– Что ж, извольте. – Водитель, точно раздумывая над чем-то, кивнул самому себе. – Думаю, самое время. Держитесь крепче, господин путешественник!

Принц резко прибавил скорость: машина рванула вперед так упрямо и норовисто, что Савинова прижало к сиденью. Это был точно разбег перед взлетом, – дыхание его перехватило, и в тот же момент он почувствовал, как земля уходит из-под его ног, вернее, из-под колес автомобиля. Они взлетели! И уже стремительно неслись вверх. Савинову, не помнившему себя, вдруг открылись темные, ускользавшие назад леса, огни, белая дорога, враз превратившаяся в тонкую ленту, заснеженные поля. Мир оставался внизу, уходил все дальше, превращался в темный, объятый холодными облаками шар. Дмитрий Павлович зажмурил глаза, вновь открыл их. Ничего не изменилось. Это был не сон – явь. Он хотел было закричать, схватить водителя, точно забывшего о нем, попутчике, за руку, но не успел – его обожгла яркая вспышка. Что-то светлое рассыпалось у них за спиной, а следом темный вихрь подхватил их, вырвал из пространства и стремительно тащил куда-то – через вселенную. И тогда Дмитрий Павлович почувствовал, как с ним происходит что-то чудовищное; кожа его горела, все сильнее стягивая лицо, руки, все его тело; мышцы набухли, кости запели, точно собирались, взяв самую высокую ноту, рассыпаться. Боль была нестерпимой, стон вырвался из его груди; в следующее мгновение сознание оставило его, но так же быстро вернулось. А машина – где-то на седьмом небе – уже сбавляла ход, едва ползла, встала... Савинов боялся пошевелиться; с ним что-то случилось. Он был другим, совсем другим. Он взглянул на свои руки и следом, непроизвольно, зачерпнул пальцами, точно широким гребнем, копну густых волос. И сразу заметил огромный серебряный шар чуть впереди и справа – это была Луна! Так близко он ее никогда не видел. Ни дуновения ветра, ни единого звука. Разве что едва слышное пение, точно это был хор – божественный, донныне еще не слыханный.

Он мог бы поклясться, что это пели звезды!.. И они были повсюду.

И только потом уже, повинувшись четкому импульсу, Савинов перевел взгляд на шофера. Принц смотрел на него.

– Вот мы и приехали, – вкрадчиво проговорил он. – А какой вид! – Он обвел рукой открывшуюся им перспективу. – Я хорошо знаю это место. Луна, – он указал пальцем вправо, – Большая Медведица, – направил его влево, – Созвездие Скорпиона, – ткнул большим пальцем вверх. Вдруг, точно сомневаясь в чем-то, Принц нахмурился. – Ах, пардон, пардон. – Водитель включил зажигание, машина завелась, качнувшись, проехала несколько метров. – Вот теперь в самый раз. Это, знаете, как в футболе, пенальти можно бить только с одной точки. Однажды, это было очень давно, лет этак четыреста пятьдесят назад, один мой знакомый профессор начал свой путь именно с этого места. Сколько их было, попутчиков! И все отправлялись отсюда. Ни шагом ближе, ни шагом дальше... А как поют звезды, вы слышите?

– Это сон, – сказал Савинов, – этого не может быть.

– Потому что не может быть никогда. Знакомая формулировка. Кстати, вы неплохо выглядите. Каким кремом пользуетесь? Или всему виной эти пресловутые ежегодные подтяжки, столь популярные в Голливуде и у жен состоятельных людей? – Хитро улыбнувшись, Принц прищурил глаза. – Еще один уговор, Дмитрий Павлович. Чур, на чужую территорию не залазить. У каждого человека есть своя мечта. Вашу я знаю. Но если надумаете стать пророком, вершителем человеческих судеб, к примеру, поломаете всю игру. И свою – в первую очередь. Так же, как новоявленному пророку, забывшему о своей мечте, испугавшемуся, я бы никогда не позволил стать преуспевающим бизнесменом, законодателем мод и светским львом. Взялся за гуж, не говори, что не дюж. Помните, у каждого – своя планка. Свой билет. Он дается один

раз и навсегда. И не пытайтесь переделать мир, спасти людей от катастроф, вытягивать их за уши из черного колодца смерти. Все жизни и смерти исчислены – отныне и вовеки! Говорю это вам как профессионал и ваш искренний друг. Оступитесь – и никто вам уже не сможет помочь. Даже я. Ничего не получите. Свое навсегда упустите. Ясно?.. Ну да ладно, долгие проводы – лишние слезы. Вам, уважаемый Дмитрий Савинов, по прозвищу Спортсмен, пора на выход.

Он потянулся к нему, нажал дверную ручку, настежь распахнул дверцу. Савинов обернулся. Там, внизу, его поджидала Вселенная...

– Прыгайте, – сказал Принц и тут же ободрил его. – Не бойтесь. Это как на «американских горках». Не страшнее.

– Нет, – прошептал Савинов.

– Это же сон, чего вы боитесь? В двух шагах от земли проснетесь. Или уже на земле. Прыгайте, не тяните.

В открытую дверь тянуло легким холодком. Этот холод заползал в рукава пальто, за воротник...

Савинов отрицательно затряс головой:

– Я хочу проснуться...

– Какой вы трудный. Очень хотите?

– Да.

– Прямо сейчас?

Савинов кивнул. Принц пожал плечами:

– Извольте... Закройте глаза.

Савинов боязливо закрыл глаза, и почти тотчас открыл их, но было поздно: рука Принца, горячая, цепкая, точно клешня, вцепилась в его лицо – и с силой вытолкнула наружу. Он выпал, судорожно хватаясь за воздух. Последнее, что он увидел, была смеющаяся физиономия Принца, выглядывавшего из машины, – с расстояния, которое уже стремительно разрывало их между собой...

...Он летел сквозь черную, полную звезд пропасть, раскинув руки, не в силах закричать, летел долго, точно там, внизу, его тащил к себе какой-то магнит; а потом Савинова ослепил яркий свет, ему в лицо ударило теплом, и он упал – сразу, навзничь, раскинув руки и ноги, как кукла, которую бросили после спектакля. Он лежал и смотрел на звезды, кружившиеся у него перед глазами, не чувствуя боли, уже готовый охватить покалеченное тело...

Глава вторая. Мышиная лазейка

1

– Дима! Дима!

Его голова лежала в чьей-то ладони. Он открыл глаза. Все плыло, раскачивалось. Затылок горел. Тело нестерпимо ныло, словно через него только что пропустили ток. Что до правой руки, ее, кажется, не было. Отхватило ровнехонько по запястью...

Перед ним выплывало лицо женщины, девушки. Напуганные глаза, дрожащие губы. Она готова была разреветься.

– Я жив? – тихо спросил он, и его тут же вырвало.

Потом он видел обступивших его людей, хорошо знакомых ему. Они все колыхались из стороны в сторону, к нему приближались их лица, вновь отступали. Но чаще всего возникало лицо девушки. Слышались голоса: «Скорую», нужно вызвать «скорую» или: «Ребята, ловите машину, любую».

– Марина, – сказал он, когда лицо девушки в очередной раз появилось перед ним, – не надо «скорую», я сам дойду.

Он даже попытался пошевелиться, но тут же, охнув, едва не потерял сознание от боли. Грудь горела. Как пить дать, были сломаны ребра.

– Лежи смирно, Димочка, все будет хорошо...

Потом все лица куда-то подевались, и перед ним выплыло только одно – широкое, рыжее, с перепуганными до смерти глазами. Эти глаза бестолково хлопали у самого его носа, щеки тряслись, губы шевелились.

– Ну что, доигрался? – спросил чей-то голос рядом. – Теперь тебе одна дорога – в тюрьму.

Савинов знал, чей это был голос – его приятеля, Толика Панченко.

– Да вы че, ребята, я ж не хотел. Я ж не думал. Он же сам упал...

– Это точно – сам. Щучкой нырнул! Кранты тебе, житель окрестностей!

– И с комсомолом можешь попрощаться. Гопник!

А это уже Мишка Ковалев. Серьезный парень!

– Ребята, давайте я его на руках в медпункт отнесу? – взмолился Рыжий. – Я знаю, куда. Давайте, а?

Слушая этот диалог вполуха, Савинов лежал и смотрел на летнее небо. Чистая бирюза. Где он? Что с ним случилось? Но зачем эти вопросы? Он хорошо знает – где он и что произошло. Он, Дмитрий Павлович, Дима Савинов, в трудовом лагере – в совхозе «Красный Октябрь», на картошке, а сейчас – на стройке нового здания управления. Десять минут назад из-за красавицы Марины, всеобщей любимицы, профкома класса и его подружки, они сцепились с Рыжим на площадке второго этажа. Дрались не на жизнь, а на смерть. Кулаки Рыжего были сильнее – кирпичи, да и только! У края площадки он, Дмитрий Савинов, поймал удар бровью, покачнулся и полетел вниз... Кажется, все.

Все?!!

Две реки, направленные в одно русло, вдруг столкнулись в нем, грозно, пенными валами. Это была великая борьба стихий, готовых разорвать друг друга, сломать, уничтожить. Шли минуты, и в голове и сердце Савинова звучало, билось одно-единственное – этот шквал. А потом обе стихии хлынули в одну сторону, выбрали одно направление, новое русло...

Над ним опять выплыло лицо Марины.

– Сейчас ребята машину поймают, мы тебя в больницу отвезем. Потерпи, милый...

И все-таки – не может этого быть!..

Он поймал руку девушки. Она была теплой, нежной. А главное – живой! А вот и ее колечко – золотое, как говорила Марина, обручальное, бабушкино. Девушка улыбалась, в глазах ее были слезы.

– Терпи, Димочка, терпи. – Платком она пыталась промокнуть кровь, заливавшую правый глаз. – Только не умирай...

Нет, он не умрет. Ни за какие коврижки!

Сейчас его перенесут на траву, в тень. Он будет лежать и смотреть в сторону дороги, по которой будут нервно бегать и ссориться два его однокурсника – Мишка Ковалев и Толик Панченко. Этот последний, известный остряк, пугал рыжего тюрьмой. И поделом ему. А потом на дороге покажется красный «запор». Мишка Ковалев едва не бросится ему под колеса. А когда его аккуратно сложат вдвое на заднем сиденье машины, Марина скажет: «В медпункт не поедem; в Красный Крест, эта больница ближе других, на въезде в город».

Все должно быть именно так.

Когда его перенесли в тень деревянного сарая, когда Миша и Толик уже успели расслабиться в ожидании машины, когда из-за поворота показался алый «запорожец», Савинов засмеялся. Ему было больно: онемевшая рука ныла, грудь гудела и готова была разорваться, на лице запеклась кровь, а он все хохотал – вздохнул, яростно, до слез.

Несколько ребят и Марина смотрели на него с жалостью, почти со скорбью. Наверное, они решили, что он повредился в уме...

2

В больнице Красный Крест он пролежал две недели. Мать приносила ему бульоны, яблоки. А он все смотрел на ее лицо так, точно видел его впервые. Изучал черточки у глаз и губ, пробивавшуюся седину. И ему становилось страшно. Он будет свидетелем ее недолгого угасания. Он уже сейчас знает, как все обернется. Знает день, когда ее не станет, час, даже минуты. Это случится в полдень. Она будет дома одна. Потом врачи скажут: сердце. Смерть наступила мгновенно. Интересно, можно ли изменить дату смерти? Перенести ее? Изменить жизнь – можно, иначе бы его не было здесь. Но отсрочить смерть дорогого тебе человека?

Нужно будет попробовать...

А мать говорила ему о чем-то, рассказывала, и он, не отрываясь, продолжал смотреть на нее и молчать.

Лицо у матери было несчастное. Было от чего. Ее Димочка, об этом уже говорили многие, «повредился в уме». Мать беспокоилась о главном: как бы на учебе не отразилось. Потом она уходила и приходила Марина, его многочисленные друзья и подруги. Иногда, останавливая взгляд на их лицах, он не мог скрыть улыбки. А как же иначе? Людочка Ганина, хорошенькая тоненькая брюнеточка, щебетавшая у постели больного, еще через год выйдет замуж за его приятеля Мишу Ковалева. Он, сидевший тут же – на стуле, сейчас читает кроссворд и добивается от других неукоснительного участия. Савинов даже знал, как это у них случится в первый раз. Они всем курсом поедут в лес. Мишка заведет Людочку в чащу. Вначале она станет сопротивляться, а потом покажет Мишке такой класс, что тому это запомнится надолго. Они поженятся почти сразу же. Потом Людочка забеременеет. Аборт, сделанный коновалом, окажется роковым.

– Дима, – Людмила отрывается от беседы, – а если в следующий раз я испеку тебе шарлотку?

– Век буду благодарен.

– Все, договорились. Послезавтра я тебя удивлю. Честное слово! Ах ты, миленький наш, бедненький...

Никакой шарлотки она не испечет. Ни послезавтра, ни потом. Года через три она бросит Мишку Ковалева, куда-то денется. А потом все удивятся, когда она вернется женой Сенечки Пашина, тоже их однокурсника, очкастого тюфяка. Профессорского внука и сына второго секретаря горисполкома. Сенечка встретит ее на юге, в Гаграх, где будет сопровождать свою матушку. Их судьба решится мгновенно. Подумать только, сколько у нее будет романов! Но у Сенечки слишком толстые линзы. Однажды, кажется, в девяносто первом он, Савинов, будет стоять у светофора. Остановится джип. Оттуда ему махнет женская ручка в кожаной перчатке: «Дима, Савинов!». Людочка усадит его к себе, подвезет домой. Он пригласит ее на кофе, в бедную квартирку. Тогда в плане женщин у него было межсезонье. Потом, после первой рюмки дешевого коньяка, она окажется в его постели. «С Мишкой я бы загнущась, – поделится с ним бывшая однокурсница. – Подурнела бы в два счета. Считать копейки – не по мне. Да потом аборта того никогда ему не прошу. Не отговорил он меня, а мог! Только бы слово сказал! На всю жизнь бездетной осталась. Вот и пришлось убедить себя, что не люблю детей. Я, как только Сеньку в Гаграх увидела, где он клячу свою сопровождал, сразу поняла: это судьба. И руки этой судьбе я сейчас выкручу. – Она усмехнется. – Как только дотронулась до Сенечки моего, так он и потек, как масло на сковородке. В первый же вечер сознался, что был влюблен в меня с первого курса. Вот так. А я, дура, и не знала. Думала, он в твою Маринку втюренный».

Сеня сидит на краешке стула, искоса поглядывая на хорошенькую живую Людочку. Он смотрит на ее ноги (Людочка – модница, любительница мини-юбок) и глотает слюни.

С Ганиной, этой роскошной стервочкой, он, Дмитрий Савинов, будет встречаться недолго. Первым уйдет в сторону. И может быть, все из-за той фразы, брошенной ему в первый день, в постели: «Жаль, не ты на месте моего Сеньки. Мы все, Димочка, от тебя большего ждали. Прости за откровенность».

Одним словом, лежа на своей больничной кровати, в окружении друзей и подруг, Савинов улыбался. Многозначительно. Точно ведал тайнами мироздания. Впрочем, так оно отчасти и было. Но его друзей эти улыбки смущали – всех заботило его роковое приземление на злополучный бетон.

А по ночам, забинтованный и загипсованный, слушая храп соседей, он смотрел в окно. Ему казалось, что еще минута, и он увидит там, за тысячью темных пологов, Принца. Получит тайный сигнал от него, подтверждение, что жизнь, в которой он оказался по собственному желанию и по его, Принца, власти, не обман.

3

Он знал, в какой день и час в палату войдет хирург и обрадует его сообщением о выписке. В воскресенье, в полдень. Так и случилось.

«Дни – это алмазы, которые вы не вправе терять напрасно», – прошептал ему на ухо знакомый голос, когда он, открыв больничную дверь, шагнул из-под козырька в летнее пекло.

В такси, на заднем сиденье, он смотрел в окно. Но едва ли видел город – его улицы и дома. Лица людей сменялись в его памяти. Хорошо знакомых и других, с кем ему только еще предстояло встретиться. Приветливое лицо Марины, его первой жены, с которой они не уживутся; волнующее – Лизы. У них с Мариной был ребенок, но жена забрала его еще крохой, и он никогда больше не видел мальчишку. Нет, с наседкой-Мариной ему было не по пути. Зато ей будет по пути с морским капитаном. И его ребенку тоже. Красотка Лиза, девочка из семьи дипломатов, станет пить, затем принимать наркотики. Такой, как она, – полной противоположности Марины, – и замуж выходить не стоило. Ветерком по жизни пролететь, и все. Ее ждет страшная смерть – под колесами автомобиля... А еще грезился ему худощавый юноша не от мира сего – он смотрел на него через неясный туман будущих лет. Он стоял на фоне полотна – поля, усыпанного золотыми подсолнухами. И белый ангел завис над его головой. Отталкивало глупое лицо женщины – матери юноши, с подобострастной, лживой улыбкой, от которой подсолнухи грозились враз завянуть, погибнуть. А прекрасный ангел – потерять равновесие и разбиться вдребезги. Но все эти видения были зыбки в сравнении с одним.

Главным.

Прекрасное женское лицо выходило на передний план. Такое знакомое, близкое, родное...

Такси подъезжало к дому, но лицо Риты, юное, каким он увидит ее в первый раз, не отпускало его. Темные волосы, чуть рыжеватые, готовые загореться на солнце, падавшем в окно кафе «Ласточка». Ее профиль. Книга «Элюара» под смуглой от загара рукой. Рита становится ближе, медленно поднимает голову, ее карие ясные глаза светятся...

К удивлению педагогов, сокурсников и матери, он не только не стал хуже учиться, но перегнал по успеваемости всех своих приятелей. Теперь на него смотрели с еще большим удивлением. Это ведь настоящее чудо – звездануться головой о камень, а потом стать отличником... Вот они, две гигантские волны, обрушившиеся друг на друга и выбравшие одно русло! Савинов летел в этом бурлящем потоке вперед, едва успевая хватать ртом воздух.

Это было блаженством...

Пришло время и, пожав широкую руку ректора, он спустился в актовый зал. Савинов держал новенький диплом, только что испеченный, еще горячий. Главное, думал он, направляясь к своему месту, где рядом поджидала Марина, его жизнь не должна быть хаотичной, как прежде. Он не вправе жить так, как прожил ее когда-то. Если он должен был опередить того или иного человека, он опередит его! Все должно происходить с максимальной для него пользой. Он сел рядом с любимой девушкой, она сжала его пальцы...

Днем позже Марина сидела на кровати, обхватив ноги, поджав к подбородку колени. Летом мать Савинова жила на даче – они этим пользовались. Мать, конечно, все знала. И если выдавалась возможность – уезжала, оставляла их одних. Марина ей нравилась. Умная девушка, положительная. Заботливая, влюблена в ее сына. Хорошая пара.

– Ты стал таким осторожным, – сказала Марина.

– О чем ты?

– О предохранении. Я давно заметила. Боишься, что забеременею?

Он давно ждал этого разговора, был готов к нему. Главное – сделать вид, будто ничего не случилось. Все хорошо. Просто отлично. Небо – голубое, трава – зеленая. А если и есть нерешенные вопросы, так надо их решить. Счастье никому не дается в руки просто так. Савинов потянулся к девушке, чмокнул ее в обнаженное плечо.

– Просто об этом рано еще думать. Мы только вчера были студентами.

– А я бы хотела от тебя ребенка. Мальчика. – Она грустно улыбнулась. – И девочку.

– Это уже двое получается, – вяло пошутил он.

– Очень бы хотела...

Савинов понятиливо вздохнул:

– Я бы тоже хотел, но... не сейчас. Позже. Надо встать на ноги. Окрепнуть. Чего плодить нищету? Разве я не прав?

– Может быть, и прав. А еще я думала, ты мне предложение сделаешь. И распределимся мы в одно место. – У Марины глаза были на мокром месте. – А не так, как вышло...

Вздохнув, Савинов вновь потянулся к ней, обхватил ее колено, повернул Марину к себе.

– Недолгая разлука только укрепит нашу... наше чувство.

– Недолгая?!

– Будем приезжать друг к другу на выходные. Не о чем беспокоиться. Мы же в одной области будем жить.

По щекам Марины уже текли слезы, губы дрожали.

– Ну, ну, – он привлек ее к себе, стал целовать в глаза, губы. Сам не заметил, как минутой спустя жадно цеплял ртом полную грудь девушки. – Перестань, милая, перестань. Все будет отлично, я тебе обещаю...

«Так стоит ли связывать себя со всеми этими женщинами? – думал он, пока Марина, накинув халат его матери, готовила им нехитрый ужин. – Нужна ему эта правильная девушка, брак с которой очень скоро обернется настоящим болотом, трясиной? Зачем ей портить жизнь, отравлять своим бесчувствием, когда уже сейчас Марину где-то на белом свете ждет бравый морской капитан?».

4

В областном городишке, куда Савинову выпало распределение, его полюбили. Коллеги – за обходительность. Директор – за солидный диплом. Ученики – за то, что их Дмитрий Павлович оказался абсолютно лоялен к ним. Даже к самым отпетым прогульщикам и шалопаям. На вопрос, какой их любимый предмет, все отстающие так и отвечали: «История!».

Иногда в комнатке семейного общежития Савинов думал: имел ли он право лишать Марину ребенка? Их сына. Вспоминал ее беременной, неуклюжей, боявшейся всего, прижимавшейся к нему по ночам, точно в нем одном было спасение – и для нее, и для крохи. Марина то и дело говорила: «Я даже мечтать не могла, что нам выпадет такое счастье». Притягивала его голову к животу, затаив дыхание, шептала: «Только послушай, как он там бьется. Живчик – весь в тебя». Да, все это было. Но было в другой жизни. Поэтому он не знал, что ответить. Обвинять себя или простить раз и навсегда.

И больше никогда не вспоминать?..

Чаще он думал об Илье Инокове. Он видел его – мальчишку, школьника. Иноков чурался одноклассников, но наверняка уже упрямо размалевывает альбомы дешевой акварелью, потому что на дорожную, ленинградскую, у его матери нет денег. Но Илье хватает пока и этих красок. Мутных, сероватых. Да и не знала она – то ли наладчица, то ли фасовщица – о такой акварели. Хорошая краска – большой дефицит по этим временам! Только для посвященных.

Савинов закрывал глаза – так было удобнее грезить о будущем – и, затягиваясь папиросой, видел, как в безымянном дворике, куда однажды он еще придет, мальчишки лупят по мячу, разбивают колени, зовут своего сверстника: «Илюха, давай к нам!». А Илюхе и дела до них нет. Он сидит на кухне и выводит удивительные каракули. Светлые, похожие на вертикальные облака силуэты; темные, грозные зигзаги. Через десять лет из этой игры светотени выплывут его ангелы, которые удивят весь мир.

Савинов курил и мечтал о будущем. Время работает на него, и только на него. Ему остается ждать.

5

Спустя год по окончании института он вернулся в свой город. Вернулся и не узнал его. Может быть, потому что здесь ему вскоре предстояло вести настоящий бой – не на жизнь, а на смерть?

А время было интересное. Еще немного, и последние генеральные секретари коммунистической партии, эти великолепные старцы, станутдохнуть, как мухи, один за другим. И страна будет следить, строить догадки: а что же дальше? И кого в очередной раз ей на диво вынесет грозной волной, именуемой «заседанием Политбюро»?

В первых числах июля он решил увидеть человека, с которым ему придется сражаться в первую очередь.

Федор Иванович Игнатъев.

Савинов знал все этапы пути будущего мецената. Последние два слова, произнося про себя, он непременно закавычивал. И не мог поступить по-другому. Он делал это с тайным удовольствием. И пренебрежением. Как-никак, а в его руке был волшебный меч – провидение. Время играло на него, помогало ему. Где-то, за тысячей темных пологов, Принц указывал ему дорогу.

Он крайне удивился, когда в заместителе начальника отдела кадров городского строительного треста № 4, тридцатипятилетнем худощавом мужчине в скромном костюме отечественного пошива, с роговыми очками на носу, узнал дородного и респектабельного Федора Игнатъева, хозяина двух европейских художественных галерей.

– Что вам, молодой человек? – спросил хозяин кабинета.

– Можно к вам устроиться на работу?

– А что вы умеете делать? Какой у вас диплом? Стаж работы?

– Год преподавания истории в старших классах.

Игнатъев поправил очки.

– Но здесь не школа, молодой человек...

– Потому и пришел.

– А что, с историей нелады? Или натворили чего?

– Я абсолютно чист. Просто хочется поближе к жизни, знаете, к трудовым людям. Поработать на славу... Возьмите прорабом.

От такой наглости просителя Игнатъева едва не перевернуло.

– Вы смеетесь?

– Ничуть. Я в трудовом лагере был лучшим строителем из всего нашего курса. Даже пострадал на стройке, – он очень серьезно провел пальцем по брови, – шрам от трудовых будней на всю жизнь остался!

– Шрам ваш, это, конечно, хорошо. И диплом ваш – тоже хорошо. Но пока я вам могу предложить только работу, так сказать, с кирпичами. Или с раствором. Или с тем и другим одновременно. По второму разряду. Не бог весть как много, но на первых порах хватит. Есть у нас парочка свободных мест... Ну как?

Про себя Савинов просто умирал от смеха. Значит, кирпичи бросать предлагает ему Федор Иванович? Эка он загнул, господин «меценат»! Невежливо...

– И все-таки – лучше бы прорабом.

Игнатъев пристально посмотрел на него, затем, уже уходя в документы, сухо произнес:

– Всего наилучшего, молодой человек.

6

Нет, он не пойдет в журналистику, зачем она ему? Кому и что дала журналистика в провинциальном городе? Средства на квартплату и на пропой.

Тем более, были другие перспективы...

В конце августа зайдет к нему школьный приятель – Петька Тимошин. Предложит подзаработать. Не кирпичи таскать, не статейки пописывать и не преподавать. «Фарца, – объяснит Петька. – Прокатился туда-сюда, первый раз на плацкарте, второй – в купейном, третий – в СВ. У меня вакантное место появилось. Не думай, формат надежный. Для собственного кармана. Пару вечеров в ресторане, хорошие девочки, – и за уши не оттянешь! Разочек-другой вместе скатаем, а потом сам. Мне процент. Я себе на этом деле кооперативную квартирку смастерил».

«Начальный капитал нужен, еще как нужен!» – размышлял Савинов. – Через пару-тройку лет деньги станут залогом успеха его предприятия. Свобода-то не за горами. Вся Россия – одно Гуляй-поле. Тогда, в первой жизни, его покорило от такого предложения. Обиделся даже. Ненавидел он торгашей! Да и страшновато было, если честно. Барахлишко, левые деньги. А где и доллары – страх-то какой! Все это казалось чем-то полукриминальным, недостойным. Пугало. Жить все время точно в тени. В другом мире, не иначе. Вот наивные были люди! Даже те, что уже не в первый раз мотались по городам за своим интересом. Тряслись над десятком джинсов и нейлоновыми колготками. Не за горами время, когда политики государство свое будут распродавать, как дачные участки.

– А ведь думал – не согласишься, – довольный, уже на пороге усмехнулся Петька Тимошин. – Наудачу зашел!

Матери объяснил: работа по коммерческой части, с командировками. Все лучше, чем балбесам преподавать. Им история век не сдалась.

– Кому не сдалась, а кому сдалась, – вздохнув, ответила мать. – Молодежь-то разная, Дима.

– Лет через двадцать треть этой молодежи с бутылкой засыпать будет, – неожиданно прорвало его. – Еще одна треть – с иглы не слазить. А третьей части, последней, кто бабки будет заколачивать, история и подавно не пригодится. Они будут свою историю сочинять, – он усмехнулся, – и еще какую историю!

– С какой такой «иглы»? Что за «бабки»? – Мать сокрушенно покачала головой. – Это все тот случай тебя испортил. Несчастье то, когда ты оземь шлепнулся. С Мариной расстался. Точно все в тебе перевернулось...

Но он только усмехнулся: думайте, как хотите! Не вылепить им больше из него неудачника. В этот раз все должно сложиться так, как он задумал! За его спиной стоял Принц, и была в этом особая и незыблемая гарантия. Проскочит он в эту лазейку, пусть мышиную, никого вперед не пропустит!

– А время-то, Петька, будет интересное, – говорил Савинов своему компаньону. – Такое нарочно не придумаешь. Злое будет время...

– Куда еще злее-то? От коммунистов и так спасенья нету. Только и думают, как за задницу прихватить. Империя зла, блин!

Оба, осоловевшие от «Столичной», под перестук колес возвращались домой в СВ.

– На куриных лапках держится твоя империя, – беззаботно усмехнулся Савинов. – Это я тебе говорю по секрету, как коммерсант коммерсанту. Как коллега. Тыква это гнилая, а не империя зла. Через пятнадцать лет станем мы сырьевым рынком, страной третьего мира. Производить ничего не будем. Только торговать. Представляешь? – все торгуют! Как мы с тобой. Ха! Вся страна. Только не своим, а китайским и турецким. – Закусывая шпротами, Савинов

рассмеялся. – И полное падение нравов. Вот сейчас ты продал кассету с «Греческой смоковницей», где тетку с голыми сиськами показывают, всего-то, – доблестная милиция тебя цап – и на долгие годы. А завтра на улицах порнуху будут продавать. Завтра – это уже лет через десять. Эх, обидно им будет, любителям «Смоковницы», этого гимна безгрешности, за решеткой-то, на все это глядячи.

– Ладно заливать-то, – отмахнулся Тимошин, – сказал тоже: порнуху на улицах.

– А что ты думаешь? Да это так, цветочки. Берешь, например, газету, на последней полосе – номера массажных салонов.

– Каких? – нахмурился Петька.

– Массажных, – повторил Савинов. – Бордели, Петр, бордели. Набираешь номер – тебе проститутки подгоняют. Все законно. Хочешь – брюнетку доставят, хочешь – блондинку. Можно – маленькую, а можно – секс-бомбу. Желание клиента – закон.

– Чего мелешь? А закон? – Тимошин оглянулся на двери купе. – Ладно, фантаст, брось гнать. Номера в газете! О таком борделе если милиция узнает...

– Да какая к черту милиция! Она с владельцев этих борделей откат будет получать. Как зарплату. Крышевать их будет. Понял? Все легально!

Савинов говорил – водка развязала язык. Не сдержался. «Скоро все изменится, Петька, – говорил он. – На самом деле! Все перевернется с ног на голову. Белое черным станет. И наоборот. Большие люди большие куски отхватят. А то, что от страны останется, на откуп отдадут – хапугам помельче, бандюкам и прочей сволочи...»

Савинов, опрокидывая рюмку за рюмкой, говорил, а Петька хмурился. Даже пить перестал. Начал бледнеть, несмотря на выпитое. Но друг его был на подъеме, жестикулировал. Точно душа из него так и рвалась наружу.

– Куда же тебя несет-то, Дима?..

– По ветру меня несет, по ветру, Петя.

– Ты что ж, диссидент? Не пойму я...

– А хотя бы и так. Пей, дружище, пей.

Они выпили. Тимошин – неуверенно. С опаской. Он глаз не сводил с приятеля.

– Надеюсь, что ты не стукач, – сказал Петька. – А то ваш брат после исторического так в КГБ и норовит...

– Славная конторка. Только тоже гнилая насквозь окажется, как и все остальное. Никакого им дела не будет до государственной безопасности. Дело это для всех последним станет.

– И как тебя за такие мысли из комсомола-то не поперли?

– Пусть попрут, Петя. Пусть. И в партию пусть не примут. Это не беда... – Он нервно рассмеялся. – Шмотки! Тьфу! Скоро первые лица нашего государства будут фарцовать целыми эшелонами танков и баржами с медью. На экспорт. А барыши – в свой собственный карман.

Петька пьяненько отмахнулся:

– Слушай, ты напился совсем. Что несешь-то?

– Знаю, потому и несу, – вяло огрызнулся Савинов.

– Да ну тебя. Знаешь! Чего ты можешь знать? Антиутопия какая-то. Наш формат – держи язык за зубами и пей коньяк. Или «Столичную», – кивнул он на бутылку. – А ты – первые лица государства! Бред какой-то. Не знал я, что ты пьяный – такой. Лишнего тебе употреблять не надо. Загремишь еще с тобой, Дима, по пьяной лавочке. Честное слово...

– Смешно это все, право, – качал головой о своем Савинов. – Ой, как смешно...

– Все, спать буду. Ничего не слышал, ничего не видел. – Петька Тимошин вытянулся на своей лежанке, закрыл глаза. – Бай-бай, Дмитрий Палыч. «Спя-ят уста-алые игру-ушки, – тоненько завыл он, – книжки спя-ят...»

7

И вот уже время заиграло на своей дудочке губительную для власть придержащих мелодию. Выстроившись в ряд, некогда мощные старцы готовы были один за другим ступить в темные воды забвения. Вначале Савинов с интересом наблюдал, как хоронили отца застоя и великого женолюбца «дядю Леню», как уронили его гроб, к ужасу всей страны, как рыдали родственники, готовясь к худшей доле; как в том же направлении, на пушечном лафете, повезли борца за трудовую дисциплину – гэбэшника Андропова. «Гляди-ка, а вот этот – боровичок», – сказала, довязывая носок, мать о следующем генсеке. Савинов не стал ее разубеждать – все увидит сама.

Главное – его жизнь только начиналась...

Он возвращался с товаром из Москвы. Дмитрий Савинов принарядился – коттоновая рубашка, джинсы в обтяжку. Не какие-нибудь «Левис»! Держась за поручни, Савинов смотрел в окно – на убегающие назад леса. Сейчас, ночью, спальный вагон выглядел тишайшим местом. Разве что перестук колес нарушал тишину. Этаким мирно похрапывающий корабль, летящий через безмолвный космос.

Савинов оглянулся на шум открывающейся двери в начале вагона. Проводница. Он махнул ей рукой. Затворив дверь, девушка направилась в его сторону. Ее настроение выдавала походка – она была немного томной, легкой.

– Не спится? – подходя, тихо спросила она.

– Обижаете, Катюша. Я вас жду. Как мы договорились. Армянский коньяк на столе. И закуска тоже. Все готово. – Он улыбнулся. – Надеюсь, вы не передумали компанию мне составить?

Девушка поймала его взгляд:

– Нет.

Он открыл дверь купе.

– Тогда – прошу.

Оглядев убранный яствами столик, Катюша села на пустую полку.

– Хорошо, когда едешь один, – сворачивая пробку, сладко пропел Савинов. – Можно пригласить гостей, – он уже наливал коньяк в походные стопки. – Посидеть, поговорить по душам.

– И часто вы так по душам говорите?

Круглые колени проводницы приковали внимание Савинова.

– Как правило, мне попадается ответственный работник, который беспощадно храпит после законного пол-литра того же армянского коньяка. Так что сегодняшняя ночь – исключение. – Он поднял свою стопку. – За знакомство? И волнующие последствия? – в последней фразе читался вежливый вопрос, заданный галантным кавалером.

Опуская глаза, девушка снисходительно покачала головой:

– Вы своего не упустите, это точно.

– Может быть, на ты?

– Ты своего непустишь, – поднимая голову, девушка открыто взглянула на спутника. –

Но вы мне нравитесь, Дима. Ты мне нравишься...

«Своего не упустить...». «Барыши со шмоток – это, конечно, хорошо, – думал он, глядя в глаза девушки. – Но неужели нет вариантов получше? Ведь они должны быть! Где-то совсем рядом. Сейчас все по земле ходят, кажется, пустой, но под ногами-то – россыпи: золото-брильянты. И почти никто об этом не знает. Но только не он. Возьми лопату, копни! У кого власти побольше, через несколько лет на экскаваторах будут ездить, разгребать, обогащаться. Шмотки

– нет, это ерунда на постном масле. Насмешка. Глупость. Надо найти лопату получше, приготовить...»

– О чем ты думаешь? – спросила Катя.

– О вас. – Он улыбнулся. – Прости, о тебе.

Дома, поставив чемоданы и сумки на пол, Савинов сел на табурет в прихожей и оказался перед зеркалом. Мать, бесконечно обрадованная его приездом, гремела посудой на кухне. Она всегда переживала за него, пока он странствовал.

– Тебе супа полную тарелку? – спросила она оттуда. – А, Дима? – Мать вышла в переднике, с половником наперевес. – Чего не раздеваешься?.. Устал?

– Немного, – не сразу ответил он, разглядывая розовый шрам над правой бровью.

– Супа, спрашиваю, полную тарелку?

– Половинку.

– Почему?

– Обедал в ресторане. В вагон-ресторане.

– Опять впустую тратил деньги?

– Тратил.

Мать вздохнула:

– Ну что мне с тобой делать?

– Ничего.

– А котлеты – две?

– Две, – вздохнул он.

Этот шрам – точно печать. Да вот только чья? И к чему обязывает?..

– Ладно, раздевайся, мой руки, – уходя на кухню, настоятельно проговорила она.

Но он, продолжая смотреть в зеркало, едва расслышал мать. В нем, Диме Савинове по прозвищу Спортсмен, ворочался другой человек. Ему давно было неуютно в юношеской утробе. Он советовал и учил. Настаивал. Если что, мог садануть по печени, защемить артерию, вцепиться в желудок. Он был неудачником и теперь не хотел все повторить. Потому что ему обещали. Он верил этому обещанию. Требовал верить в другого себя. И ему это удавалось...

Мать негромко запела на кухне. А он, привалившись к стене, смотрел на себя и не мог оторвать от изображения глаз...

Так как же диссидентство и бессребреничество? Нет, ему это не сдалось! Теперь не сдалось. На рубеже веков и тысячелетий как все это будет выглядеть глупо и ничтожно! Когда фигуры будут расставлены по местам. Когда бывшие коммунисты, из мудрых, и новые демократы на ниве развивающегося капитализма найдут общий язык. Пока такие, как он, будут радоваться новоиспеченному строю, захлебываться свободой, драть глотку, что-то отстаивать, сложившие партбилеты чиновники усядутся на самые денежные места в стране. Завладеют нефтью и газом, банками. И что прикажете делать ему: знать обо всем, быть в курсе самых неправдоподобных курьезов и оставаться в стороне? Еще раз покричать, повопить, порадоваться за новое светлое будущее, – сделать свое солдатское дело, – а потом услышать пренебрежительное: «Отвали!» Так?!

«Нет, – точно оживая, стряхивая пелену с глаз, он отрицательно покачал головой. – Так дело не пойдет...» Все будет по-другому. И больше его не купить болтовней. Но откуда эта уверенность в нем, с каждым часом, минутой становящаяся все сильнее? Он чувствовал поддержку, чей-то локоть, плечо.

Того, кто смотрел на него из зеркала?.. Или кто, невидимый, стоял за его спиной?

– Дима, я наливаю суп! – призывно крикнула из кухни мать.

– Я слышу.

Савинов встал, снял плащ. Повесил на крючок кепи. Потянулся, расправил плечи.

– Я с собой коньяку прихватил! – громко сказал он. Усмехнулся своему отражению, подмигнул. – Бахнем по рюмочке, ма?

8

Сидя за столом ресторана, в удушливом табачном дыму, Савинов улыбался беспардонной напористости Петьки Тимошина.

– И как вас зовут, девочки?

За их столом, напротив, скромно приютились две девушки – блондинка и брюнетка.

– Людмилы, – ответила брюнетка за обеих.

– Что, обе – Людмилы? – удивился Тимошин.

– Обе, – ответила блондинка.

– И не шутите?

– Нет, – засмеялись в ответ девушки.

– Ты слышишь, Дмитрий? Они обе – Людмилы. Фантастика! И какой формат! Симпатичные, веселые. Что будете пить, Людмилы?

– Коктейль, – ответила брюнетка.

– И какой же?

– «Кровавую Мери».

– Обеим?

– Да, – ответили разом девушки.

И встретившись взглядами, вновь приснули.

– Будет вам Мери. – Он уже возбужденно махал рукой. – Официант, две самых кровавых Мери!

Но Савинов не замечал – ни хорошеньких Людмил, ни своего приятеля. Он смотрел на столик в другом конце ресторана. Там сдержанно пировали трое молодых мужчин. Знакомая униформа – те самые серенькие костюмчики, галстучки. Правильные стрижки. Лицо одного из них, мордатого, с пухлой талией, было очень знакомо Савинову.

– Ты кого там увидел, призрака?

– Почти...

– Знаешь, – сбавляя голос, тихонько зашипел Тимошин, – я тебя бояться стал, когда ты вот такой.

– Какой?

– Когда призраков видишь, – он обернулся к девушкам, подмигнул им. И вновь потянулся к приятелю. – Пей поменьше. На тебя не только водка плохо действует, но и коньяк тоже. Запомни это. Даже вино сухое. Ты мне тогда что в поезде нес, помнишь? Перед сном. Когда я уши заткнул, чтобы тебя не слышать. А ведь слышал! Цитирую: «И страна, как подстреленная сука, будет подыхать на глазах у всего мира. Быстро будет подыхать, точно отрапортовала: пятилетку за год! Качественно будет подыхать, на совесть...»

– Я это говорил?

– А то нет!

Официантка принесла две «Кровавых Мери». Тимошин вновь обратился к девушкам.

– Самые кровавые, как и было обещано. Наслаждайтесь, Людочки-Людмилочки... Так вот я еще раз говорю тебе, Дима...

– Это же Кузин, – слушая его вполуха, сказал Савинов. – Женя Кузин.

– Какой еще Кузин? – нахмурился Тимошин.

– Евгений Платонович. Он на несколько классов старше нас учился. Подрабатывал еще пионервожатым...

– Был такой, припоминаю. Мерзкий типчик...

– Мерзкий-то мерзкий, да он меня как-то к себе звал...

– Куда к себе?

– На работу. Это курсе на четвертом универа было...

«Дмитрий, ты же умный мужик, – вспомнил Савинов встречу на улице. – Преподавать историю, конечно, благородно. Но, ты меня извини, это дело, как бы лучше выразиться-то? – для дураков. Заканчивай свое высшее, получай диплом и давай к нам, в комсомол. Ты по всем показателям подходишь. Говорить умеешь, спортсмен. Нам такие нужны». Он слушал его, кивал. А когда они расстались, шагов через десять процедил: «Кретин».

– Да куда он тебя звал, этот Платонович? Помощником пионервожатого?

– Что-то вроде того. Кажется, тогда он был вторым секретарем Ленинского райкома комсомола. Сейчас, может быть, уже первый.

– Так он тебя работать в комсомол звал?!

– Ага.

– Фу, гадость какая...

– Нет, ты не понимаешь, – Савинов уже хотел было сказать, что это сейчас Кузин – второй или первый секретарь райкома, а через пять лет он будет первым секретарем областной комсомольской организации, а чуть позже...

Отмахнувшись от него, Тимошин уже развлекал девушек болтовней. А перед глазами Савинова с экрана телевизора выступал первый секретарь ВЛКСМ области.

Он говорил: «Наша организация, не раздумывая, приняла все жизнеутверждающие идеи перестройки. И на вопрос, какой быть стране дальше, каждый член нашей организации с чистым сердцем ответит: “Новой, демократической, человечной!”». А еще несколькими годами позже на экране телевизора Евгений Платонович Кузин появится в роли нового персонажа. «Как генеральный директор “Нового социального банка”, – будет вальяжно говорить он, холеный, в двубортном костюме, пополневший, – я могу смело сказать нашим вкладчикам: вам не о чем беспокоиться, дамы и господа, мы денно и нощно стоим на страже ваших вкладов!». Приблизительно так. Кузинский банк в городе так и прозовут – «комсомольским», потому что осядет там большая часть денег областного ВЛКСМ, а все посты займут секретари, инструкторы и прочая челядь доживающей последние годы власти. Что Петька Тимошин? Расскажи об этом сейчас Кузину – в лицо рассмеется.

– А почему ваш друг такой молчаливый? – спросила брюнетка.

– Это он только сегодня такой задумчивый, – объяснил Петька. – Может, заболел?

– Эврика, – тихо проговорил Савинов и залпом выпил только что милостиво налитую Тимошиным рюмку коньяка. – Эврика! Я – гений, Петр... Гений.

– Заболел, если не хуже, – пристально поглядев на него, затем на девушек, проговорил Петька. – Вы лучше, девочки, подумайте, куда мы сегодня поедем? После ресторана.

Людмилы переглянулись.

– А у вас есть хата? – спросила брюнетка.

– У нас-то есть, – сказал Тимошин. – Правда, однокомнатная. Но кровати – две. В смысле, кровать и диван. Вы его не бойтесь, – Тимошин кивнул на Савинова, – он не кусается.

– Хотелось бы верить, – покачала головой брюнетка.

Но Савинов уже потеплел, повеселел, подмигнул приятелю:

– Точно, не кусаюсь, – и перевел внимание на девушек, – разве что чуть-чуть. За хвостик.

9

– Вот и молодец, – несколькими днями позже, вставая из-за просторного полированного стола, проговорил упитанный комсомольский вожак Евгений Платонович Кузин. – Я знал, Дмитрий, что голова у тебя работает правильно... Тут такое дело: ничего сверхъестественного я пока предложить не смогу. Уж извиняй. Но одна должность у меня есть. Хлопотная, правда. Будешь инструктором по дальним районам. У меня было еще пару человек на это местечко, но я выбираю тебя. Считай, что успел. Полгодика покантуешься, покажешь себя, а потом поглядим... Идет?

Савинов тоже поднялся:

– О лучшем я не мог и мечтать, Евгений Платонович.

– Э нет, так не пойдет. Просто Женя. Мы теперь – одна команда.

«Комсомол так комсомол, – дома сказала ему мать. – Все лучше, чем твое бродяжничество».

А вот Петьку Тимошина так и перевернуло!

– Да ты рехнулся?! – завопил он в летнем кафе.

Все оглянулись как один. Точно бомба взорвалась! А потом, выпив коньяку, рассмеялся:

– Ты всегда умнее меня был. И хитрее. Только прикидывался: учитель, мол. Вот и сейчас свою игру придумал. Скажешь, нет? Корочками решил обзавестись, легализоваться. Что я, не знаю, как комсюки по заграницам шастают и шмотки оттуда возят? А я-то простак – призраки Савинова! Хитрец ты, Дима, ой, хитрец! А мне про подстреленную собаку лепил. Про «Греческую смоковницу». Про массажные салоны. Зачем? – Тимошин пожал плечами. – Даже обидно...

И пока Савинов, улыбаясь, подбирая слова, добавил:

– Знаешь, Дима... Мне-то ведь не стыдно в глаза людям смотреть. Хошь – покупай джинсы, хошь – проходи мимо. Я – продавец. Никакого лукавства. Головы не засоряю людям. А с тобой теперь все иначе будет...

– Что значит, иначе? – спросил Савинов.

Петька, не скрывая презрительной улыбки, взглянул в глаза приятелю:

– Другой формат, Дима.

Сидя перед телевизором, Савинов смотрел на мялящего, в ряду других старцев, Черненко. А рядом с ним улыбался в камеру другой – помоложе, с пятном на полголовы. Неожиданно Савинов быстро встал с дивана, прошелся по комнате. Отправился в кухню. Залез в буфет, налил рюмку коньяку. Глядя в темное окно, выпил. Вот бы оказаться рядом с Горби! В нужную-то минуту! Тут за один год в министры можно попасть. А то и покруче. Чем черт не шутит, а может быть, рискнуть?..

И тотчас вздрогнул. Это было похоже на легкий порыв ветра, предшествующий грозе. Савинов прислушался. Голос! Очень знакомый. От такого голоса никуда не деться. Не заткнуть уши. Не убежать. Как и раньше, он шел изнутри его самого. «Еще один уговор, Дмитрий Павлович, – услышал он. – Чур, на чужую территорию не залазить. У каждого человека есть своя мечта. Вашу я знаю...»

А так ли опасно было предостережение Принца? Или это только пустая угроза – так, для острастки? Вот бы проверить...

10

Завернувшись в простыни, они сидели за столом в деревенской баньке. Савинов; напротив – лысеющий бугай, Григорий Тимофеевич Жадов, местный комсомольский вожак. И две девушки: черноглазая Катя – длинноногая, боевая, веселая, и застенчивая белокожая Маша, ее подруга. Пили водку, пиво; мужчины терзали уже не первого леща. Смеялись.

– Вы бы почаще к нам приезжали, Дмитрий Павлович, – сказала черноглазая.

– Будешь с Дмитрием Палычем ласковая, он тебя не забудет, – ободрил ее Григорий Тимофеевич. – А заодно и всех нас.

– А я всегда ласковая, – покосившись на гостя, гордо сказала девушка.

– Озорница ты, Катюха, – наливая всем водку, покачал головой бугай. – За что все тебя и любят. – Подмигнул второй девушке. – Тебе, Машенька, есть чему у подружки-то поучиться!

Вторая девушка, порозовев, опустила глаза.

– Ну, за нас. – Бугай выпил стопарь, зацепил квашеной капустки. Пережевывая, добавил: – Преданность комсомолу – это самое главное!

Уже полгода Савинов занимался делами, которые, кроме тошноты, у него ничего не вызывали. Но и в них были свои прелести. Товарищи по союзу из окраин, как Григорий Тимофеевич Жадов, поили его водкой, парили в бане, девушки из глухоманей липли к нему, выглядевшему настоящим повесой. Особенно самые целеустремленные. Успел повидать он таких вот Катюх – кареглазых, смелых, доступных. Все это его забавляло. Савинов успокаивал себя тем, что он играет на сцене, а режиссер не всегда предлагает ту роль, которую бы хотелось сыграть тебе самому. Не дают Гамлета – соглашайся на старшего могильщика. Иногда приходится играть, чтобы заработать на кусок хлеба. А этот кусок, что там лукавить, был хоть и не самый жирный, но получше, чем предложенный ему директором в общеобразовательной школе.

– По водочке, Дмитрий Павлович? – уже заноса над рюмками бутылку, спросил Жадов.

– По водочке, Григорий Тимофеевич. По ней, родимой.

«Что ни говори, – ломая леща, размышлял Савинов, – а комсомол – настоящая путевка в жизнь! Разве не так? Не соврали, нет. В новую капиталистическую жизнь. Пусть со звериным оскалом. Все равно ничего не изменить. Главное – никаких сомнений, никаких угрызений совести. Иначе вновь обманут и выкинут на обочину...» Конечно, не любил он всю эту идеологическую братию и презирал ее: серые костюмчики, аккуратненькие стрижки, одинаковые физиономии. Стекланные глаза. Презренный народец! Презренный, потому что – циничный, хваткий, расчетливый. И при этом ленивый. Именно такие туда и шли. Но в середине девяностых это он, Савинов, будет выглядеть идиотом. А Кузин и компания, рьяно боровшиеся за социалистические идеалы, вдруг совсем неожиданно сядут на джипы и «мерседесы» и обдадут борцов за свободу, читателей «свободных» журналов, грязью с головы до ног. На белом коне въедет Женя Кузин в новую, демократическую, будь она неладна, жизнь. Но в этой жизни он, Дмитрий Савинов, крепко вцепится в стремя своего широко шагающего шефа. А то и сзади запрыгнет, обнимет цепко его пухлую талию! Мертвой хваткой обнимет. Савинов улыбался – эка он разошелся!

Это в нем водка с пивом говорили...

– Отломите мне от спинки, – следя за ним, промурлыкала Катя. – Я сама не умею рыбу чистить...

– С удовольствием, – улыбнулся девушке Савинов. И взглянул на ее молчаливую подружку. – А вам, Машенька?

– А ей – ребрышки и перышки, – ревниво бросила Катя.

Маша промолчала.

– Я вам обеим по самой жирной спинке дам, – наставническим тоном сказал Савинов, – чтобы никому не обидно было. А сам ребрышками и перышками побалуюсь.

Жадов понимающе кивнул:

– Глупые вы, барышни, в лещовых ребрышках – самый смак! И в перышках тоже. – Он подмигнул коллеге. – Дмитрий Павлович знает...

Что ж, если он и поступится своими идеалами, то лишь чуть-чуть. А потом, после 85-го года, будет не покладая рук радеть на ниве свободного рынка, который непременно должен повести страну по пути процветания. Так, кажется, говорили «великие» экономисты тех лет? Ему дано предугадать, заранее выбрать для себя место. Добротную ячейку с итальянским санузлом в родном городе. Удобную раковину с шумом прибора где-нибудь на Канарских островах, – хотя бы раз в году, – или, в худшем случае, на Кипре. Да и его матери с ним, преуспевающим, будет куда лучше. Зачем обрекать женщину на нищую старость? Разве она не заслужила большего? Всю жизнь прогорбатилась на эту страну – жестокую, неблагодарную. Главное, не тянуть время. У него впереди еще несколько лет, он успеет сойтись поближе с Кузиным, подружиться, уйти вместе с ним в обком комсомола. А где-нибудь к началу перестройки стать правой рукой, или левой, что тоже неплохо. Ах, мечты...

– Мы в парную, – сказала Катя и кивнула подруге, – пошли.

Придерживая полотенца, девушки поднялись. Бугай Григорий Тимофеевич проявил прыткость. Прицелился к обтянутому полотенцем Катиному задку, занес пятерню. Та хотела было увернуться, да не успела. Шлепок получился хлестким, с оттяжкой.

– Э-ээх! – проревел лысеющий бугай.

Катюха только ойкнула.

– Прибьете так когда-нибудь!

– Не прибью. Такого кадра лишиться! – Когда дверь за девушками закрылась, он сказал: – Катюха у нас самая целеустремленная. Наше светлое настоящее.

– А как же будущее?

– А будущее – оно подрастает, Дмитрий Павлович, – засмеялся Жадов. – На то оно и будущее!

11

С Толиком Панченко они встретились случайно – у дверей кинотеатра, в обед. Столкнулись нос к носу. Оба покупали билеты на вечерний сеанс.

– Кого я вижу! – с вызовом выпалил Панченко. – Сам Дмитрий Савинов, комсомольский вожак!

Многие посмотрели в их сторону.

– Здорово, педагог.

– От фарцы до значка ВЛКСМ оказалось два шага? – с вызовом бросил Панченко, когда они выходили из кинотеатра.

– Чего уж там – один шаг.

– Что и говорить, дорогу ты выбираешь осмотрительно. Никогда не думал, что умеешь вот так!

Савинова злил тон старого приятеля.

– Я всегда таким был – осмотрительным.

– А я когда-то думал – другим.

– Мало ли что ты думал, – холодно отрезал Савинов.

– Вот именно – мало ли, – разговаривая, Панченко убежденно кивал, точно открывал для себя ранее неведомую аксиому. – Мишка Ковалев когда узнал, не поверил.

– Для Мишки я могу расписку написать. Хочешь?

– Ты своим коллегам расписки пиши.

– Непременно. Они это любят.

– Тем более.

– Думаешь, я такой идейный, да? – понизив голос, спросил Савинов.

– Как раз этого я и не думаю.

– И правильно делаешь. Не люблю я своих коллег так же, как и раньше не любил. И как ты их не любишь.

– Ты меня с собой не путай, – зло огрызнулся Толик.

– Да не злись ты! Это не моя жизнь. Ненавижу я их стеклянные зенки. Как и все остальное. Тут – спектакль...

– Жаль, диктофона нету, – перебил его Панченко.

– Если я поступил так, – пропустив выпад товарища мимо ушей, продолжал Савинов, – значит, так нужно. Можешь поверить на слово. Толик, ты же знаешь, я – другой...

– А вот не знаю я! – хлопнул себя по ляжкам Толик. – Не знаю, Дмитрий, как вас там по отчеству? – Павлович!

– Не знаешь – твое дело, – спокойно ответил Савинов.

– Точно, мое.

– Значит, поговорили?

– Поговорили. – Толик нервно завертел головой. – Тебе в какую сторону, комсюк?

– Налево, придурок, – ответил Савинов.

– А мне направо.

Прощаясь, они не смотрели в глаза друг другу.

12

– Я хожу в художественную школу, – раздеваясь, с порога сказал он матери. – Вечернюю школу. Это в двух остановках отсюда.

– Давно?

– Уже недели две.

– И мне ничего не сказал?

– Как-то забыл.

– Странно...

Еще час назад он сидел за мольбертом. Дмитрий Савинов разглядывал два натюрморта. Тот, что был на его ватмане, и другой – на подиуме, укрытом драпировкой. Очень они различались. Ему так хотелось передать объем кринки, все ее изгибы, яркие блики. И гипсовую голову Артемиды – изысканные черты, всю нежность мягких тонов. Но блеклым выходил его рисунок. Каким-то плоским, нелепым. А ведь он знал, каким могло быть изображение, коснись белого листа рука художника!

И еще – сверлил его со спины взгляд педагога, невысокого бородатого мужичка в старом пиджаке и мешковатых брюках. Так хотелось отправить его погулять – подальше, только бы не дышал в затылок!

– Ну и правильно, – одобрила мать. – Тебе всегда нравилось рисовать. Главное, это удовольствие, чтобы для души, – убежденно заключила она. – Ты же не собираешься быть профессиональным художником, правда?

Савинов промолчал. Да, он пошел в художественную школу. Вечернюю. Он не просто хотел испытать себя еще раз – это был вызов. Вызов судьбе. Стал бы он завидовать меценату Игнатьеву и мальчишке-художнику, если бы в его руке карандаш или кисть превратились в волшебную палочку? Да нет, конечно! Когда-то – в другой, первой жизни – он уже пробовал рисовать. С терпением, прилежностью. Записался в студию для таких же, как он, «переростков». (Это было между первой и второй его женитьбой.) Купил старенький этюдник. Даже отрастил бородку. Спасательный круг! Все закончилось тем, что месяца через два, после праздничного застолья, он переспал с молоденькой педагогиней, выпускницей художественного училища, так и норовившей упасть в объятия своего, куда более зрелого ученика. В постели, еще не протрезвевшая после портюшка и любовных утех, она ему и сказала: «Димулечка, я, конечно, могу поправить все твои работы. Заслужил. Только тебе от этого будет легче?». В студию он не вернулся, на звонки педагогини не отвечал. Обиделся. На всю жизнь.

И вот теперь, облачившись в латы, сев на боевого коня, опустив забрало и выставив вперед копьё, он желал сразиться еще раз. Разве не могло теперь все измениться? Если земной шар завертелся в другую сторону, почему он не может научиться рисовать? Может быть, как Иноков. Или даже лучше? Ему дано было пересечь океан времени и пространства! Такое не под силу простому человеку. Пусть попробует сопливый мальчишка повторить его прыжок. Кишка тонка! А вот ему, Дмитрию Савинову, оказалось по силам. Так что он после этого не избранный? Разве могут с ним сравниться другие – многие, может быть, миллионы? Которые и судьбы-то своей не знают! Главное – желание, говорил Принц, а желание было. Еще какое! И с каждым днем оно становилось сильнее. Так отчего же кисти в его руке не стать божественным лучом? Зачем ему, спрашивается, нужен талант Инокова, когда он сам достоин большего? Не нужен ему Иноков! Забудет он про него. Он и сам может возить кистью по холсту, и на его картине будут цвести подсолнухи, а над ярким полем – кружить ангелы! Почему же ему не попробовать, не испытать счастья? Уверенность пришла к нему не сразу, но крепко засела в его сердце: упавший с неба, пролетевший сотни тысяч километров и поломавший пару ребер, руку, да разбивший бровь способен на большее, чем торговать чужим талантом!

13

Оглядев небольшой зал с полусонными коллегами, Кузин выдохнул:

– А теперь, товарищи, поздравим Дмитрия Павловича Савинова с новой должностью. А именно – с должностью третьего секретаря Ленинского райкома комсомола. Он честно заслужил это звание. Дмитрий Павлович, прошу вас.

Поправив галстук, Савинов встал со своего места. Сейчас он произнесет речь – на радость Кузину и его коллегам. Хорошая выйдет речь, содержательная. Хотя и немного будет в ней здравого смысла. Зато перспектива, его, Дмитрия Павловича Савинова, личная, будет.

И еще какая...

Одно только лицо ему было неприятно в этом зале, неприятно и враждебно. Физиономия Николая Шебуева – отпетого наглеца, самого близкого друга и бессменного зама Кузина. Кажется, Шебуев чувствовал, что его младший коллега Дмитрий Савинов не так прост, как хотелось бы, и метит куда выше, чем это может показаться на первый взгляд.

14

Натурщица – обнаженная девушка, была очень хороша собой. Нежная, с распущенными каштановыми волосами, золотисто-матовой кожей в электрическом свете. С широким кустиком волос между ног. Савинов знал: с ней можно было познакомиться, пригласить ее в ресторан, угостить вином, даже соблазнить. Все это получилось бы у него очень легко.

Но нарисовать...

Его карандаш боялся коснуться планшета, и преодолеть этот страх было почти невозможно. Потому что он уже знал: не выйдет. И он будет свидетелем своего унижения...

И это же знал педагог – замухрыга в мешковатых штанах и кошмарном пиджаке, в котором он, кажется, родился и в котором его непременно похоронят.

15

Он был уверен, что этим летом приедет сюда. Но лето прошло, а он так и не решился. Наступила осень. И вот уже сентябрь подходил к концу, а он все откладывал. Савинов просто боялся. Как робкий юноша, впервые оказавшийся в постели с женщиной. У него захватывало дух от одной только мысли, что это должно случиться. Ему казалось, что все будут смотреть на него как-то по-особому, и не одни только дворовые старухи, подмечающие все и вся, но голуби и воробьи; что, наконец, к одному из окон прильнет чье-то лицо, недоброе, враждебное ему. Лицо мальчика. И в незнакомых ему глазах будет один-единственный вопрос: «Ради чего я должен прожить свою жизнь не так, как мне было положено от веку, а как этого захотелось тебе?». Да, он боялся. И все-таки сел на электричку и отправился в пригород – на станцию Барятинскую.

Моросил дождь. Под широким зонтом он шел через маленький городок, точно по чужой планете. Может быть, даже опасной для него. А ведь и на самом деле это была чужая планета, которую ему, здесь – чужаку, прикинувшемуся своим, скоро придется завоевывать. Лет так через пять или шесть. Он шагал по улицам, и ему чудился едва разборчивый шепот, идущий неизвестно откуда. То ли он предостерегал его, говорил: «Возвращайся обратно на станцию, уезжай, забудь об этом месте», то ли, наоборот, подбадривал, вкрадчиво увещевал: «Иди дальше, ты на верном пути. Тебя ожидает здесь то, ради чего ты появился на свет, ради чего живешь снова. А ведь не каждому дается такой шанс!». Хотя, может быть, это всего лишь негромко пел дождь – на крышах бедных домов, на пожелтевшей и уже всю облетавшей листве деревьев, на черном куполе его старого широкого зонта.

Савинов не успел заметить, как оказался во дворе трехэтажного дома № 6 по улице Станковой. Это был небольшой дворик: серые подъезды, косые лавочки с облезлой краской, песочница, обветшалая статуя пионера с отколотой правой рукой, которой он отдавал неизвестно кому честь. Ни одной старушки, ни одного голубя или воробья. Никого. Все куда-то подевались. Только старый пушистый кот, черный, с рыжими подпалинами, – наверняка, хозяин двора, – сидел на пороге одного из подъездов. Он смотрел на него, незваного гостя, с крайним, почти оскорбительным безразличием. Савинов прошептал: «Первый подъезд, первая квартира...» Прошелся по аллее мимо палисадника. Остановился. Вот он, первый подъезд, планировка известная – окна выходят во двор, счет слева направо... Он смотрел на окна – на два из них, принадлежавшие Иноковым, матери и сыну. Отец их бросил давно. Савинов не устоял на месте, приблизился к пожелтевшему кустарнику...

...И почти тотчас ощутил, как все вокруг него меняется. Откинув зонт, он посмотрел на небо. Казавшийся нескончаемым, морозящий дождь стихал, капли становились все более редкими. Серые осенние облака, только что напоминавшие низкий тяжелый потолок, давали трещину. Они расходились, точно две бескрайние льдины, готовые дать свободу до времени закованной в тиски стихии. Уже показался уголок яркого синего неба. Двор, где жил мальчишка Илья Иноков, точно замер в ожидании чуда...

Догадка пришла к Савинову почти сразу. Два окна – комната и кухня. Стекла, испещренные дождевыми бороздками... Из первого из окон – ближнего к подъезду, с бледными задергушками, на него, непрошеного гостя, смотрели. Савинов не смел пошевелиться. Света становилось больше, и силуэт головы и хрупких плеч вырисовывался все яснее. Это был мальчик. Он смотрел на него, Савинова, с точно таким же любопытством. Савинову даже показалось, что он увидел глаза мальчика – светло-серые, печальные, больные. И в то же время наполненные непонятным ему, гостью, сиянием.

Вот тогда и выстрелил солнечный луч – точно в стекло Ильи Инокова. У Савинова даже дыхание перехватило.

Это и было ЧУДО!

И оно никак не коснулось его, Дмитрия Павловича Савинова, своей благодатью. Не коснулось ни макушки его головы, ни ладоней, ни его сердца. Он остался в тени. Все досталось худенькому заморышу по ту сторону стекла!

Вернувшись, получив возможность прожить жизнь заново, Савинов еще хранил крохотную надежду – обрести талант. Не только молодость в оправе опыта, но и способность творить. А вдруг? И вот теперь – этот луч, как насмешка над ним. Чудо! Но только не его. Может быть, именно сейчас озарение пришло к мальчишке. Может быть, именно сейчас он стал творцом, гением, почти богом...

Савинов вспомнил вчерашний вечер в художке. Бородатый обладатель мешковатых штанов попросил его остаться после урока. Сказал: «Важный разговор».

Мольберты выстроились вдоль стен, мастерская опустела. Они остались вдвоем – бородач и его ученик. Он, Дмитрий Савинов, никак не мог отделаться от неловкой улыбки. Она бродила по его губам – улыбка настоящего отчаяния, и он, человек в себе уверенный, каким привык считать себя последнее время, не мог согнать ее. Отделаться, отвязаться. Сорвать. Она выдавала его с головы до ног.

«Вы, кажется, работаете в комсомоле?» – закуривая дешевую сигарету без фильтра, спросил его художник.

«Кажется», – ответил он.

«Очень хорошо, очень. – Рабочие, ни к чему не обязывающие фразы. – Комсомол – это важно. Очень важно...»

Низкорослый бородач кивал, прохаживаясь по аудитории.

«Вы меня простите, Дмитрий, но художника из вас не выйдет, – обернувшись к нему, уверенно сказал преподаватель. И сказал так неожиданно, прямо и очень просто! – И мучиться не стоит: бросайте, совсем бросайте. Чего зря бумагу пытаться?..»

Почему же сегодня, в этот злосчастный день, солнечный луч коснулся окна мальчишки? А не его, Дмитрия Савинова, рук и плеч?! Не его лица? Глаз?.. Ведь это несправедливо!

И кем тогда оставалось быть ему, Дмитрию Павловичу Савинову? Авантюристом, стяжателем, хозяином чужого таланта?

Ему не оставляли выбора...

Светлая тень за стеклом колыхнулась и исчезла. Дмитрий Павлович поднял над головой раскрытый зонт. Он стоял под ним, как под черной тучей, отгородившись от всего мира. Он улыбался, глядя в пустое окно чужого дома, и не смел пошевелиться.

...Электричка увозила его обратно – в город. Он уставился в окно, на затянутый дождевой пеленой пригород, но не видел его. Перед ним, ничему не желая уступать место, были глаза десятилетнего Илюши Инокова.

И солнечный луч, пролетевший, как чужая звезда, мимо...

16

– Смотри-ка, ты ведь прав оказался, – вздохнула мать, – да что ж это они помирают друг за другом? Черненко-то. А ведь таким крепышом казался...

– Михал Сергеича уже выбрали?

– Какого Михал Сергеича?

– Горбачева.

– А кто это, тот, что с пятном на темени?

– Точно.

– А что, его должны выбрать?

– Говорят, да.

– Да нет пока еще... Поглядим. Хотелось бы молодого. А то ведь перед другими странами стыдно. Кого ни поставят, сразу в гроб. Куда это годится?

17

– У меня новая возможность появилась – продвинуться, – сказал ему Кузин в присутствии Николая Шебуева, своего друга и зама. И пояснил: – В «город» уйти.

Савинов покорно слушал своего шефа.

– Иван Иванович Дыбенко, председатель областного комитета ВЛКСМ, нас с Николаем, – Кузин кивнул на Шебуева, – повышает. Меня – вторым, Николая – третьим. Представь себе. Сам-то Иван Иванович, поговаривают, скоро собирается в Москву перебираться. Самых близких заберет с собой. А мы – наверх поползем. «Такие кадры, как вы, – сказал товарищ Дыбенко, – мне в тылу еще понадобятся!» Чуешь, Дима?! То-то!

Шебуев, известный выпивоха, бабник и пламенный агитатор, получавший неведомое Савинову удовольствие от своей партийной болтовни, самодовольно улыбался.

– Так вот о тебе, Савинов, – продолжал Кузин. – Я буду тебя рекомендовать на свое место. Ты – лучший среди моей команды. После Николая, конечно. Повезет, станешь первым секретарем Ленинского райкома.

Савинов благодарно кивнул:

– О большем я и мечтать не мог.

Кузин подмигнул Шебуеву:

– Потянет, думаешь?

Шебуев деловито прищурил один глаз. Помолчал. Он любил такие вот паузы...

Савинов вспомнил безобидную историю, связанную с Колей Шебуевым. Безобидную и неприятную одновременно. Тогда Шебуев с Кузиным еще только начинали трудиться на комсомольской ниве. Рвались вперед. Окрыленными были. Молодыми. Им открывались перспективы. Рапортовали, ораторствовали. Первые заграничные поездки. Вначале соцлагерь – Болгария, Польша, потом ГДР и Югославия. И вот, наконец, Париж. Где-то в подземке, окончательно заплутавшись, отбившись от экскурсовода, группа молодых подвыпивших идеологов из СССР уже почти отчаялась отыскать Лувр. Вот тогда Шебуев ловит молодого негра, говорит: «Пардон, – и следом на родном своем языке спрашивает. – Слушай, обезьяна, скажи, где тут этот ваш долбаный Лувр? У нас там важная встреча. Понимаешь меня?» Нет, негр их не понял. Стоял и смотрел на них. Улыбался. А они, человек семь, катались по полу от такой вот детской непосредственности своего товарища. Кузин до сих пор, по-дружески, мог кого-нибудь спросить: «Слушай, обезьяна...» И так далее, разве что с вариациями.

Шебуев молчал.

– Так потянет – на моем-то месте? – переспросил у приятеля Кузин.

С той же самодовольной улыбкой Шебуев откашлялся:

– Поживем – увидим.

18

Новый год Дмитрий Павлович Савинов справлял в кругу институтских друзей. Так случилось. Его отыскали, пригласили. Не кто-нибудь – Мишка Ковалев. Отказать ему Савинов не решился. Больше того – был благодарен за приглашение. Теперь на него косились. Одни ему завидовали, другие – презирали. Толика Панченко, их третьего товарища, не было.

Во время застолья, набросив полушубки, они с Мишкой вышли на балкон. Ковалев держал у груди, в сцепленных руках, открытую бутылку портвейна. Зима была теплой. Ночь – безветренной. Облокотились о перила. Савинов обнял Мишку Ковалева, хозяина квартиры, старого друга:

– Жалко, что вы с Людмилой-то расстались.

Мишка усмехнулся:

– И мне жалко. Я ведь думал как: ты на Маринке женишься, я на Людмиле. Будем друг к другу в гости ходить, детей воспитывать. Пить вино, проводить вместе вечера, петь под гитару.

– Я тоже так думал... Когда-то, – добавил Савинов.

Тон его голоса заставил Мишку обернуться. Но Савинов только улыбнулся приятелю.

– Жизнь по-своему сложилась, – сказал Мишка. – А ведь я любил ее, Людмилу-то. И сейчас люблю...

Об этом Савинов знал – хорошо знал. Знал он и о том, что где-то уже брезжила их встреча – случайная! – его, Дмитрия Савинова, и Людочки Ганиной, к тому времени – богачки, новой русской, жены толстяка и очкарика Сенечки Пашина, «профессорчука».

– Толька, значит, не соизволил прийти? – спросил Савинов, наблюдая, как пар струится изо рта, исчезает, проглатываемый ночью.

– Не-а, – усмехнулся Мишка, – не соизволил.

– Из-за меня?

Еще одна усмешка, не злая:

– Из-за кого же еще?

– Подумать только...

– Знаешь, Дима, все равно, кем ты работаешь – преподаешь историю, вкалываешь за станком, говоришь с трибуны и подписываешь циркуляры. И все-таки... – он взглянул на друга. – Я не понимаю, – он поморщился, – зачем?..

– Хочешь знать правду?

– Если честно, да.

Савинов выдохнул – белая струйка пара мгновенно развеялась в теплой зимней ночи. Еще одно откровение по пьяной лавочке? Как тогда в поезде – с Петькой Тимошиным? Да не многовато ли будет? И все же, помимо прочего, не смог он не сказать со всей прямоотой: «Эх, Миша, скоро придет хана всей этой шатии-братии. Партии, комсомолу. Стране Советов. Ничего не останется... Не веришь?» Мишка Ковалев разговор замаял – Бог знает что подумал. Может, как и Петька, что он – стукач? Разговорить пытается? Не вышло у них задушевной беседы. Даже простой не вышло.

В конце короткого разговора, несмотря на взаимное отчуждение, Савинов дружелюбно усмехнулся:

– Кстати, ты профессором станешь. Истории. Даже книгу напишешь. – Савинов нахмурился, пытаясь вспомнить будущий труд своего друга. – О кочевниках, кажется...

– Хоть что-то хорошее, – и спросил уже с явной насмешкой: – Так ты у нас не только комсомольский вожак, но еще и пророк, стало быть? Ноша не тяжела, Дима?

– Смейтесь, Михаил Константинович, – так же отчужденно ответил ему Савинов и зло добавил: – А вот захочу – и пойду в пророки. Я много чего могу!

Оба вернулись к гостям едва ли не чужими друг другу.

«Ну и пошли вы все к черту, – решил про себя Савинов, – если бы вы знали, кто я такой, откуда...»

Он смотрел на лица своих однокурсников и видел их другими. Этого он еще не забыл. Вася Найденов, громогласный, с фужером наперевес, погибнет где-то на Севере. Так что же, сказать ему об этом? И он ему поверит? Ни за что. Или все-таки попытаться? На кухне, когда оба курили «ВТ», роскошные по тем временам сигареты, Савинов сказал, чтобы Вася и носа не казал на ту далекую станцию, куда его, еще год или два, забросит судьба. И объяснил, почему. Вася посмеялся. Савинов повторил все от начала и до конца. Найденов послал своего однокурсника к такой-то матери. На этом их разговор тоже закончился.

Праздник подходил к концу. Савинов ушел раньше других. Иногда, как в эти минуты, шагая по утреннему городу домой, он чувствовал, что наделен способностью изменить мир. Все переиграть так, как захочется ему. Нет, им: Диме Савинову по прозвищу «Спортсмен» и Дмитрию Павловичу Савинову. Эта двойственность до сих пор не укладывалась у него в голове. Предостеречь людей от землетрясений, например. Но роль Кассандры мало улыбалась ему. Или от еще более страшных катаклизмов – тех, в которые ввергали государства политики. Но это было просто-напросто опасно. В лучшем случае его примут за сумасшедшего, посадят в лечебницу, в худшем – устроят автомобильную катастрофу. Просто избавятся. Способов – тысяча. А если стать экстрасенсом, предсказателем? Называть руководителям страны даты, когда будут уходить их предшественники? Стать дворцовым астрологом? Говорят, астрологи Гитлера жили припеваючи, пока не предсказали ему скорую гибель. Или еще круче – самому стать политиком?

Пристроиться к одному из лидеров и – вперед?

Конечно, у него был уговор с Принцем. Он помнил, что надо играть по правилам, чтобы не раскаяться. Да потом и не хочет он быть ни астрологом, ни политиканом. Последним особенно – не отмоешься! Чужое это. Принц очень точно угадал его, Дмитрия Павловича Савинова, предназначение. Меценат, миллионер. Светский лев в том кругу богемы, который устанавливает моду в мире – на картины, одежду, кинематограф. И все же, имея такое богатство, как время и пространство, как целый мир, быть всего лишь светским львом? Унизительно как-то. Точно пушку овсом заряжать...

19

– Значит, в большие начальники метишь? – подловив его в коридорах комитета, раскуривая сигарету, так, между прочим, спросил Шебуев.

На губах дружка Кузина была его коронная улыбка – доброжелательная, но прохладная, с издевочкой: мол, ты, конечно, думай, что мы друзья, если тебе так нравится, но на самом деле мы друг другу никто. Сослуживцы. И то до поры до времени. К тому же ты – мой подчиненный. И норовистый больно, что мне ой как не по сердцу! Ты свой норов на трибуне показывай, когда с массами работаешь, а в общении с Евгением Платонычем пыл свой поумерь. Там моего пыла достаточно. В такие мгновения Шебуев прищурился особенно сильно, как от едкого табачного дыма, и смотрел на тебя долго и цепко. Мол, место первого министра уже занято. А решишь перебежать дорогу – жди беды.

– Так метишь или нет? – переспросил он.

– А к чему такой разговор? – вопросом на вопрос ответил Савинов – ответил с вызовом. Шебуев прищурил глаза до щелочек.

– Надо о чем-то поговорить – мы с тобой редко беседуем. Все работа, работа. – Вдруг его глаза стали точно стеклянными. – Да, забыл...

Шебуев держал паузу, Савинов ждал.

– Ну? – первым не выдержал он.

– Предупредить забыл...

– Говори.

– А что, торопишься? – усмехнулся Шебуев. – Ладно. Запомни вот что, Димитрий Павлович, – он нарочно впихнул лишнюю букву в его имя. – Ты хоть и спортсмен, а поперек бабки в пекло попрешь, меня, то есть, я тебя на одну ладошку положу, а другой прихлопну. В порошок сотру. Места мокрого не останется. А Кузину скажу, что так и было. И он поверит. Мне поверит. Понял? – Шебуев выдохнул дым тонкой резкой струей мимо лица коллеги. – Я предупредил. Без обид, Савинов. А теперь иди, трудись, не буду тебя задерживать.

Дмитрий Савинов шел по коридору, лопатками чувствуя колющий, полный враждебности взгляд Шебуева. Вот уж комсюк из комсюков – с ядом вместо крови. Подонок, гад. Точно добычу выслеживал! Жертву.

Уже выследил!..

20

– Сейчас бы подшивку старых газет, – собирая дома чемодан, вслух сетовал Савинов. –
Одной газеты – только за все годы. Каких-нибудь «Известий»...

Надо было прихватить с собой! Если бы Принц позволил. Но даже если и позволил бы,
разлетелась бы эта подшивка по всему ночному небу! И упал бы он, Дмитрий Савинов, все
равно с пустыми руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.